

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ

INSTITUTE FOR SCIENTIFIC INFORMATION
IN SOCIAL SCIENCES

ИНСТИТУТ ЭКОНОМИКИ
INSTITUTE OF ECONOMY

РОССИЯ
И СОВРЕМЕННЫЙ
МИР

RUSSIA AND
THE CONTEMPORARY
WORLD

1 (90)

В НОМЕРЕ

In This Issue:

Россия: 2010-е годы

Russia: 2010-ies

Россия, Украина, Приднестровье

Russia, Ukraine, Transnistria

К истории социальной ответственности в России

To the history of social responsibility in Russia

Политическая наука в институтах РАН

Political science in the institutes of the Russian Academy of Sciences

**Издается с 1993 г.
Выходит 4 раза в год**

**МОСКВА
2016**

Журнал «Россия и современный мир»

Юрий Игрицкий

**Россия и современный
мир №1 / 2016**

«Агентство научных изданий»

2016

УДК 009
ББК 60(2Рос)

Игрицкий Ю. И.

Россия и современный мир №1 / 2016 / Ю. И. Игрицкий —
«Агентство научных изданий», 2016 — (Журнал «Россия и
современный мир»)

Профиль журнала – анализ проблем прошлого, настоящего и будущего России их взаимосвязи с современными глобальными и региональными проблемами. Журнал имеет многоплановый, междисциплинарный характер, публикуя материалы по истории, социологии, философии, политической и экономической наукам. Ключевые рубрики – «Россия и мир в XXI веке» и «Россия вчера, сегодня, завтра».

УДК 009
ББК 60(2Рос)

© Игрицкий Ю. И., 2016
© Агентство научных изданий, 2016

Содержание

Памяти Юрия Ивановича Игрицкого	5
Россия вчера, сегодня, завтра	7
«Грядет шестнадцатый год»	7
Россия 2014–2016: Новый курс	26
«Человек русский», год 2014: Кто мы, куда идем	42
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Россия и современный мир № 1–2016 (90)

Памяти Юрия Ивановича Игрицкого

Юрий Иванович Игрицкий

1934–2016

Ушел из жизни Юрий Иванович Игрицкий. Всего себя он посвятил Служению науке. Более сорока лет работал в ИНИОН.

Долг он всегда ставил превыше всего, поэтому работал – нет, лучше сказать: боролся – до последних часов жизни, преодолевая болезнь и страдания. Трудился над материалами журнала «Россия и современный мир», главным редактором которого был около четверти века, над изданиями отдела Восточной Европы, который неустанно возглавлял много лет. Юрий Иванович блестяще, профессионально редактировал, прекрасно писал сам; как никто другой мог быстро найти точную фразу, дать меткую оценку, отделить главное от второстепенного. Ю.И. Игрицкий был признанным специалистом по западной литературе о Советском Союзе и России, замечательным ученым и превосходным публицистом.

Как человек и руководитель он отличался замечательными качествами: добротой в сочетании с требовательностью в работе; редко встречающимся умением внимательно выслушать и понять собеседника, а если необходимо, убедительно и твердо возразить. Уважение к людям было у него на первом месте, потому и люди тянулись к нему, испытывали потребность посоветоваться, получали удовольствие от человеческого общения. Между собой мы иногда шутливо называли Юрия Ивановича «наш гуру». Он был простым, доступным, демократичным, скромным, деликатным, умел прощать и быть снисходительным к нашим недостаткам. Он был прекрасным другом и любящим отцом.

Светлый человек, в своих трогательных стихах он писал:

Пусть лучше кто-то плачет обо мне,
чем зарыдаю я на похоронах близких...

Плакать выпало нам. Мы постараемся сдержаться, хотя это будет трудно. И будем помнить тебя всегда. Прощай.

Россия вчера, сегодня, завтра

«Грядет шестнадцатый год»

Ю.С. Пивоваров

Пивоваров Юрий Сергеевич – академик РАН, научный руководитель ИНИОН РАН.

Жертвам и героям Февраля 1917 г.

«В терновом венце революций...» Эти строчки Маяковского помнятся со школьных лет. Он ошибся всего лишь немного. Оказалось: Семнадцатый. Однако, по сути, был прав, предчувствие не обмануло его.

Прошло сто лет. И вполне естественно спросить: «А похожа ли нынешняя Россия на ту, вековой давности?». Нет, конечно, нет. Ничего общего. Даже климат изменился. Хотя есть что-то неуловимо схожее с одной эпохой. Не событийно, в смысле – *esprit*. Начало тридцатых годов XX в. Покончено с НЭПом, с каким-никаким разномыслием в правящей верхушке, взят курс на построение социализма в одной стране, т.е. самоизоляция, не отменяющая, правда, практики вмешательства в мировые дела. Режим, сбросив с себя интернационалистский прикид, стремительно национализируется. К власти, оттесняя не вполне этнически русскую ленинскую гвардию, приходят коренные русаки. У них был свой вождь, они стали его прямыми назначенцами. Вдруг вспомнили про отечественную историю, находили себе корни и основу, написали правильный учебник. Энтузиазм масс, высокий накал квази-религиозного чувства, своеобразный посясторонний «монотеизм». Успехи в строительстве военно-мобилизационной экономики, катастрофическое падение уровня жизни, убийство деревни и крестьянства. Творческая интеллигенция (в значительной своей части) присягает хозяину Кремля. Усиливается террор, постепенно становящийся стилем эпохи. Вождю слегка за пятьдесят, и он находится в прекрасной умственной и физической форме...

То есть начало тридцатых это и логическое продолжение и не менее логическое отрицание двадцатых. Это рождение и становление «теории» и практики сталинизма. Того, что будет властвовать здесь до самой смерти Хозяина. Или до той самой поры, когда увидят свет нынешние начальники.

Юрий Тынянов говорил, что Пушкин погиб не от пули Дантеса, ему перестало хватать воздуха, и он задохнулся. Бывают такие времена, когда действительно воздух куда-то уходит. В начале тридцатых задохнулся Пастернак. Помню памятью ребенка начало пятидесятых. Тоже безвоздушие. Бродский писал об опыте борьбы с удушьем.

А еще что-то схоже с эпохами, когда Россия самоопределялась. После Флорентийской унии и падения Константинополя на Москве решили, что они теперь единственные хранители истины аутентичного христианства (уже не «греческого», но своего – русского), единственные, кто противостоят «латине». И сегодня мы защищаем традиционные христианские ценности, от которых якобы отказался Запад. Именно поэтому оппозируем ему. Или как царь Николай I, видевший свою миссию в поддержании в России и Европе монархических, легалистских и легитимных основ, в противоборстве безбожной революции. Мы ведь сегодня тоже готовы помочь европейским борцам с однополыми браками и бездуховными релятивистами. И потому протягиваем руку (в том числе и руку помощи) Марин Лё Пен и др.

Конечно, нынешняя Россия не похожа на Московское царство середины XVII в. Но некоторые ситуации чуть ли не совпадают. Послушаем С.Ф. Платонова: «Из-за Малороссии Рос-

сия... втянулась в войну с Польшей. ...Недостаток средств у правительства и плохое экономическое положение народа скоро дали себя знать. Правительству приходилось прибегать к экстренным сборам..., но и их не хватало, и правительство пробовало сокращать свои расходы. Однако, видя, что все такие попытки далеко не удовлетворяют желаемой цели, оно попробовало извернуться из затруднительного положения, произвольно увеличивая ценность ходившей монеты. В то время своих золотых у нас еще не было, а в обращении были голландские и немецкие червонцы, причем голландский червонец имел ценность одного рубля, а серебряный ефимок (талер) ходил от 42 до 50 коп., и, перечекая его в русскую серебряную монету, правительство из ефимка чеканило 21 алтын и 2 деньги, т.е. около 64 коп., и таким образом на каждом ефимке выгадывало 15–20 коп. ...»¹.

Ну, что ж и «мы» из-за Малороссии (Украины) начали войну с Западом. Ведь в середине XVII в. Польша была единственным доступным Западом. Это не важно, что нынешняя война носит информационный, экономический, политический характер. Всё война. И сокращение правительственных расходов и взваливание бремени трудностей на население. Да и в монетарных делах власть действует де-факто тем же методом. Кстати, и сегодня в нашем обращении тон задает не русская валюта. На смену голландским и немецким деньгам пришли евро и доллар. И так же начальники пытаются выиграть на установлении искусственных курсов. Тогда в сторону завышения стоимости рубля, сегодня – понижения. Но суть одна – заработать на монетарных манипуляциях. А не на увеличении производства и проведении адекватной социальной политики.

* * *

Если и дальше самоопределяться в русской исторической темпоральности, то, несомненно, мы вступим во «время Карамзина».

Так двадцать пять лет назад я назвал статью – предисловие к публиковавшейся мною в издательстве «Наука» «Записке о древней и новой России». Пытался объяснить, почему нам так важен и актуален Николай Михайлович. – Но теперь я понимаю: время Карамзина пришло сегодня. Тогда его начали печатать в особо крупных размерах, в том числе и то, что советскому человеку было совершенно недоступно. Ныне же двести пятьдесят лет со дня рождения великого человека и двести – с момента выхода в свет первого тома «Истории государства Российского». Серьезные даты, значительные! Но не это самое важное. На дворе эпоха, созвучная его идеям. Акмэ консерватизма: «требуем более мудрости хранительной, нежели творческой»²; «всякая новость в государственном порядке есть зло, к которому надо прибегать только в необходимости»; «для твердости бытия государственного безопаснее поработить людей, нежели дать им не вовремя свободу»³. Торжество трезвого реализма в международных отношениях: в 1815 г. он писал Александру I: «Вы думаете восстановить Польшу в ее целостности, действуя, как христианин, благодаря врагам. Государь! Вера христианская есть тайный союз человеческого сердца с Богом... Она выше земли и мира... Солнце течет и ныне по тем же законам, по коим текло до явления Христа-Спасителя; так и гражданские общества не переменили своих коренных уставов: все осталось как было на земле и как иначе быть не может»⁴. Смысл этого обращения заключался в следующем. Политика, и международная прежде всего, не подпадают под действие высшего нравственного закона. Здесь нет места для христианской морали и господствуют принципы *Realpolitik*. – И самое главное: мы являемся свидетелями уверенного воз-

---

¹ Платонов С.Ф. *Полный курс лекций по русской истории*. – Петрозаводск: Фолиум, 1996. – С. 407.

² Карамзин Н.М. *Записка о древней и новой России*. – М.: Наука, 1991. – С. 63.

³ Там же. – С. 74.

⁴ Цит. по: Миллер О.Ф. *Славянство и Европа*. – СПб., 1887. – С. 274.

вращения в нашу жизнь самодержавной власти, т.е. ничем не ограниченной власти одного. Карамзин полагал это важнейшим (из необходимых) условием успешного бытования России в истории. Самодержавие есть «палладиум России», утверждал он. Да, его время.

* * *

... Я же скажу: сводить русскую историю к некоему вечному, аутентичному самодержавию – и методологическая, и нравственная ошибка. То, что прощительно Карамзину, – он ведь вывел свою концепцию из доступных ему материалов, – разумеется, непозволительно нам.

Недаром Н.Я. Эйдельман назвал его последним летописцем. Карамзинская концепция выросла из летописных текстов, в которых прежде всего фиксировались деяния власти. Все же остальное во многом оставалось за их пределами – и, следовательно, за пределами его внимания. Несомненно, на него повлияли и работы немецких специалистов, призванных Екатериной составить русскую историю в самодержавно-романовском духе. Не забудем и то, что Карамзин был поздним современником передряг XVIII в.: дворцовые перевороты, пугачевщина, во всем неустойчивость и непредсказуемость. Ясно, что он хватался за самодержавие как за спасительный круг – никогда не подведет. Хотя этим, разумеется, не исчерпывается вся палитра политических воззрений Николая Михайловича. Она была шире, современнее и, если можно так сказать, качественнее.

Однако и сегодня, в период интенсивного «цезаризма», немногим удастся избежать искушения самодержавством. Это, кстати, проявляется не только в неподдельной любви россиян к президенту, но и в искреннем сталинобесии нашего общества, и вновь вспыхнувшем интересе к Ивану Грозному и Петру Великому, в исторической реабилитации Николая I и Александра III. При одновременном, идущем от сердца, презрении и ненависти к «оттепельным» фигурам и эпохам.

Свою задачу я вижу не в том, чтобы полемизировать с народной любовью или народным отрицанием. Дело это бессмысленное. Сердцу ведь не прикажешь. А у нас, как известно, голосят только этим органом. Нет, мне хотелось бы показать, что в русской истории было и есть много чего несамодержавного, да и само самодержавие (в разных его временных вариантах) – штука сложная, противоречивая, не сводимая к какому-нибудь ее идеальному типу.

Мне, конечно, напомнят, что все это хорошо известно. Так-то оно так. Но, думаю, время от времени необходимо говорить об этом. Особенно в эпохи массовой любви к тому историческому явлению, которое Карамзин назвал «палладиумом России».

А еще я напомню «моим» напоминателям, что представители следующего за Николаем Михайловичем поколения подвергли ревизии его власте-центричные воззрения. Никита Муравьев посмел утверждать, что история принадлежит не царям, а народам. Петр Чаадаев в письме своему парижскому корреспонденту графу де Сиркуру сообщал, что у нас в России все – плохое и хорошее – из православия. На десятилетие старше их Сергей Уваров свел карамзинское, муравьевское, чаадаевское в своей известной триаде – «Православие. Самодержавие. Народность». Ну, а потом пришли другие объяснители главного в русской истории – западники (юридическая школа), славянофилы (эдакое православное, соборное «гражданское общество») и т.д.

* * *

В связи с актуальностью карамзинско-самодержавной темы на ум приходит вот что.

У русской исторической науки, в целом великой и убедительной, есть одно, как мне кажется, «слабое» качество. Вся она настроена антибоярски, т.е. антиаристократично. Прошлое прочитывается с разных научных и идейных позиций, создана вполне стереоскопическая

«картинка». Но через боярскую «призму» на нее не смотрели. Напротив, роль боярства в отечественной истории всегда трактуется с обвинительным уклоном. Даже такими учеными, как С.Ф. Платонов. А он был очень осторожен, точен, судил взвешенно и спокойно.

«Царь – хороший, бояре – плохие». Это народный приговор на все и во все времена. И любимые наши властители – те, кто рубит этим плохим головы. Ставит на их место oprичников, т.е. людей случайных. «Перебрать людишек» – это ведь прежде всего о боярах. Нет ни одной попытки боярства ограничить самодержавие и получить свою долю в управлении, которая в науке и исторической памяти была бы одобрена. Что самибоярщина при маленьком Иване (будущем) Грозном, что боярская активность в период Смуты, что действия верховников в 1730-е, что... Сегодня можно узнать, что сталинский «большой террор» стал защитной реакцией Хозяина на агрессивную атаку на него партийных бояр. Которые-де пытались воспрепятствовать ему ввести демократию в СССР.

А как испугалось окружение Александра I, узнав, что в конституционном проекте М.М. Сперанского предполагалось создание Госсовета, формируемого из представителей крупнейших аристократических родов. Иными словами, Михаил Михайлович хотел завести у нас палату лордов. Мне ни разу не встретился хоть один сочувственный отклик на эту инициативу великого человека.

Пишу это не для того, чтобы вызвать симпатию к русской аристократии. Она, как и все на свете, была разной. Но сегодня, в условиях очередного подъема самодержавства, хочется вспомнить о нашей небольшой слабости. Может все-таки преодолеем ее? И тогда по-другому будем понимать наше прошлое и настоящее. А это уже какая-никакая основа для изменения действительности.

По существу

В наши дни – думаю, не случайно, это соответствует духу времени – все чаще слышны оправдания крепостного порядка на Руси. Крупные ученые и политические деятели «убедительно» доказывают нам «raison d'être» этого института.

Действительно, крепостнически-самодержавный порядок был в известном смысле неизбежен. Это была попытка установления хоть какого-то порядка. Р. Пайпс говорит: до середины XVII в. «на Руси были оседлые правители и бродячее население»⁵. Народ, утверждал В.О. Ключевский, – жидкий элемент русской истории. Растекается по всей громадной равнине. Но это-то хорошо известно и осмыслено. На самом деле важнее другое.

Итак, всех заковали в цепи. Создали тягловые сословия. Сверху наложили вотчинную царскую власть. Это, так сказать, базис. Надстройкой выступило сотереологическо-литургическое государство и иосифлянская церковь. «Коммунизм» в одной, отдельно взятой стране (ведь отгородились, казалось бы, капитально; «железный занавес») вроде бы был построен. И все-таки не получилось. Подвел «человеческий материал». XVII столетие и особенно его середина – это и акмэ, и закат Московского царства (как конец XIX – начало XX – Петербургского). «Бунташный век» – не мы придумали, но разделяем. Причем в бунташность вписываются и раскол, и городские восстания, и Стенька и т.д. Это живая жизнь сопротивлялась упорядочиванию сверху. Ну и, разумеется, западные (киевские, белорусские, польские, «немецкие») влияния разлагали верхушку, вербовали ее в европейцев. В общем не вышло – «в одной, отдельно взятой стране».

То есть поначалу русский человек сопротивлялся, пытаясь разными путями разбить оковы. По-разински, по-пугачевски, бегом в казаки и т.д. Но прискакал металлический Всадник (Андрей Белый о Петре в «Петербурге») и цепь крепостного права, наброшенную его

---

⁵ Пайпс Р. *Россия при старом режиме*. – М., 1993. – С. 67.

папой, Алексеем Михайловичем на народ (не только крестьян, всех), замкнул замком немецкого производства (этот образ принадлежит Герцену). После жуткого восстания начала 70-х XVIII в. верхи всерьез испугались. В качестве панацеи соорудили передельную общину, куда и ушел практически весь протестный пыл. Или, говоря по-простому, было найдено соответствие развития производительных сил производственным отношениям. И все бы хорошо.

Но вновь подвел «человеческий материал». Верхушка начиталась французских книг, наездила в Европу, гуманизировалась и решила разрушить мир эксплуатации. Еще и Промышленная революция повлияла. В том смысле, что уж слишком опасным оказались последствия ее отсутствия. Как бы там ни было, общине скоандывали: «вольно». Не совсем сразу, но все вольнее, чем было раньше.

И что же дальше? Крепостнически-самодержавный порядок вступил в фазу «disintegration», как называл это Арнольд Тойнби, или – Untergang, по Шпенглеру. Точнее всех сказал Ленин: «реформа породила революцию». Это означает, что было нарушено соответствие развития производительных сил производственным отношениям.

Здесь одно из коренных противоречий, парадоксов, они же – особенности нашего исторического бытования. Как только находится соответствие между означенными феноменами, так начинается передельный застой (см. хрущёвско-брежневскую эпоху). Прекрасное время! Но оно чревато, поскольку исподволь разрушает самодержавно-крепостническую гармонию или коммунистическую (а ведь он был настоящий коммунизм: от каждого по труду, каждому – по потребностям; поскольку трудились не очень (как могли), так и по потребностям тоже не очень (или кто как обеспечит их сам); но принцип соблюдался). Дело в том, что если долго заниматься увлекательнейшим процессом передела, то – хочешь не хочешь – остановиться уже трудно. Поделить хочется всё – по справедливости. Включая сам самодержавно-крепостнический порядок с его особыми необщинными активами.

Так что и сегодняшнее похолодание неизбежно сменится оттепелью. Только вот во что выльется эта самая оттепель? – Хотелось бы понемножку сокращать объем передела. И переходить к социальному творчеству. На основе права и социальной безопасности для всех.

Что же нас ждет впереди

Но что разительно отличает нынешний Шестнадцатый год от предыдущих эпох, включая столетней давности, так это то, что впервые Россия не имеет проекта будущего. Как это понять? – Да, просто. Еще недавно мы хотели преодолеть наследие «лихих девяностых» и достичь к 2020 г. уровня благосостояния Португалии (один из самых низких в Европе). До этого – в 90-е – покончить с проклятым эсесеризмом и построить правовую либеральную демократию, рыночную экономику. А еще – до того – социализм с человеческим лицом, правовое социалистическое государство и к 2000 г. всем советским семьям отдельную квартиру. Развитой социализм, коммунизм... До Февраля – правовое, либеральное, конституционное социальное общество и государство. В общем все это известно.

Но сегодня никакого проекта, даже заведомо утопического, нет. Мы ищем будущее в нашем прошлом (увы, во многом вымышленном). «Верность традиционным ценностям». Пожалуй, даже соглашусь. Они – хороши. Но как быть с лидерством в Европе по абортам, сокращением населения, самоубийствам etc. Конечно, хорошо стоять против ЛГБТ – Европы. И надо обязательно стоять. Но если они все куда-нибудь уйдут, перед кем будем стоять?

Опора только на прошлое, причем, еще раз скажу, нередко вымышленное, в чем-то сродни ресурсно-сырьевой экономике. Не хватает добавленной стоимости, да и рента с нее распределяется в пользу узкого слоя начальников. Инновации необходимы только в добывающе-перекачивающем хозяйстве. И в военных делах, поскольку «верность традиционным ценностям» это не только, к примеру, нормативно-христианская семья, но и ратные подвиги пред-

ков. Меня спросят: хорошо, у нас нет проекта или он, с твоей точки зрения, не адекватен, а у европейских стран, США таковые имеются? – Развитие, поиск нового, сохранение необходимого старого. Климат, экология, медицина, благосостояние, борьба с бедностью, культура, образование и т.д. – А разве у нас не то же самое? И мы ведь говорим об этом. – Но ничего не делаем. У них же эти проекты, худо-бедно, осуществляются. Ведь проект это то, что пытаются реализовать.

«Мы рождены, чтоб сказку сделать былью». Как убийственно точны эти слова. Вот вам новая «сказка». 12 февраля 2016 года состоялась историческая встреча Папы римского Франциска и Патриарха Московского Кирилла. Действительно, историческая, «ждали» ее тысячу лет, важная, нужная, в острый момент социальных передряг на планете. Но во всей этой радости есть одно почти незаметное обстоятельство: некоторое, совсем небольшое несоответствие. Какое же? – Говорится, что папа и патриарх не виделись тысячу лет. Это так. Только патриарх был не Московский, а Константинопольский. Это он порвал отношения с тогдашним папой. Маленькая-маленькая неточность. Однако с большим смыслом. Получается, что Московский патриарх отвечает за всех православных, живущих сегодня и живших десять столетий. Но мы знаем, что в мире существуют четырнадцать автокефальных (независимых) православных церквей. И по каноническому праву Московский патриарх стоит на пятом месте. Константинопольский – на первом. Понятно, что русская церковь сегодня и по количеству ее членов, и по мощи воздействия превосходит остальные, вместе взятые. Фактически «мы» заняли место Константинополя.

Однако, не упомянув это незначительное несоответствие, руководство РПЦ исторически и политически (канонически не получится, но кого это волнует сегодня) присвоило себе право первенства в православном мире и право говорить от лица всех православных. В некотором смысле Кирилл становится папой ортодоксальной ойкумены. – Понимаю: эти мои соображения могут вызвать раздражение (извиняюсь за «рифму»). Ему бы вместе со всеми радоваться и гордиться, а он брюзжит. Я радуюсь... А небольшая историческая неточность остается.

В том числе и так верстается наш ретроспективный проект. Чуть подправленное прошлое укрепляет русские позиции в мире.

Что же касается новоявленных идеологов Святой Руси и современной России как единственной хранительницы традиционных христианских ценностей («Третий Рим»?), по совместительству – похоронщиков Запада, трубадуров очередного Заката Европы, то они вызывают у меня сомнение. Из их уст льется брань, очевидная неправда, злобная агрессия. Возникает вопрос: а сами-то они привержены тем ценностям, о которых вещают, верят в них? – На ум приходит характеристика, данная великим русским историком С.М. Соловьёвым знаменитой триаде «Православие. Самодержавие. Народность» и ее автору – С.С. Уварову. О православии говорит атеист, о самодержавии – республиканец, о народности – человек, не прочитавший ни одной книжки по-русски. Немного ядовито, с иронией, но в точку.

...Но видения будущего все-таки нет. Почему? – Население единственной защитницы традиционных ценностей ни во что не верит, ни в какие обещания. Оно, конечно, поддерживает все, что идет с самого верха. Но примерно в том же смысле, как поддерживают приход зимы или лета. В независимости от того, что они несут. Лютый холод и свирепую жару, или умеренные погоды. А с чем спорить? Принимаем. Помните: иного не дано. Это название самого известного сборника статей времен перестройки, самого официально-публичного «антисоветчика» (сегодня многие его авторы – видные спикеры поднявшейся с колен страны). – Действительно, оказалось: «иного» не дано. Жаль, хотелось!

Уроки Февраля

Теперь же главное, что я хотел сказать о Шестнадцатом годе прошлого и нынешнего столетия. Это о Феврале Семнадцатого.

Пора уже начать писать книгу с таким названием. Помните: «Уроки Октября» Льва Троцкого? – Вдруг Февральская революция оказалась в центре внимания. Да, скоро столетие, но уже лет десять идет спор об этом событии (а ведь довольно долго эта революция была в тени Октября). Нет, наверное, не спор – ведь большинство согласно в главном, так что скорее обсуждение.

Современники практически солидарны в том, что это – ошибка, преступление, самоубийство, предательство и т.п. Война худо-бедно шла к концу, при всех опасениях и усталости победа была не за горами. А здесь нож в спину стране. Развязываются страшные стихии, верх берут разлад и распад, деструкция и безответственность. Как на дрожжах растут сепаратистские настроения.

Увы, все это правда. Хотя очень горько это признавать. – Но что же произошло? – Для серьезного ответа необходимо...

* * *

...Поговорить об истоках и смыслах революции.

Понятно, что эти слова заимствованы у Н.А. Бердяева (знаменитые «Истоки и смысл русского коммунизма»). Но Русская Революция – явление гораздо более глубокое, широкое, сложное, чем русский коммунизм. Последний, при всем его, как говорили раньше, всемирно-историческом значении, «лишь» одна из нескольких составляющих Русской Революции.

Русская Революция – это не 1917 г. с его двумя революциями: Февральской и Октябрьской. Это и не 1905–1907 гг. плюс 1917 г. То есть это не совокупность даже трех революций, хотя все они – важнейшие ее события. Русская Революция – это историческая эпоха примерно между 1860 и 1930 годом. Это – семьдесят лет, жизнь человека, жизнь поколения. Она началась реформами Александра II и закончилась победой Сталина и сталинцев во внутривластной борьбе, сворачиванием НЭПа и коллективизацией. **Русская Революция – это период русской истории между отменой Крепостного Порядка и установлением Второго Крепостного Порядка большевиков (ВКП(б)).**

Имея в виду грандиозные изменения, которые происходили в России в 60–80-е годы XIX в., Ф. Энгельс в 1893 г. говорил: «Освобождение крестьян в 1861 г. и связанное с ним – отчасти как причина, а отчасти как следствие – развитие крупной промышленности ввергли эту самую неподвижную из всех стран, этот европейский Китай, в **экономическую и социальную революцию**» (выделено мною. – Ю. П.)⁶. Добавим: это было также революцией в социальной психологии и массовой ментальности. В начале XX столетия революция обрела политическое измерение. Таким образом, она носила универсальный (для русского общества) характер. (Не упустим и ее правового среза.)

Содержанием и целью Русской Революции была эмансипация общества и индивида. К весне 1917 г. эта цель была достигнута (какой ценой – и этот вопрос принципиальный – скажем позже). После победы движение повернулось вспять, в сторону восстановления рабства. Говоря красиво, Семнадцатый был пиком – русская история взлетела к свободе и, не удержавшись, рухнула вниз.

---

⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. – Изд. 2-е. – М.: Политиздат, 1962. – Т. 22. – С. 406.

И все-таки: о русских революциях в Русской Революции. **Одно из больших исторических заблуждений (как современников, так и нас, потомков) заключается в том, что революция 1905–1907 гг. квалифицируется как «неудачная», «незаконченная»; рассматривается как «репетиция», «прелюдия» к 1917 г., т.е. настоящей революции.** – С моей же точки зрения, эта революция, во-первых, была успешной (насколько вообще революция может быть успешной; ведь это всегда трагедия). Во-вторых, нормальной, вполне сопоставимой с некоторыми европейскими революциями, скажем – 1848–1849 гг. Причем сопоставимой и по характеру, и по интенсивности протекания, и по результатам.

Главная удача революции 1905–1907 гг. заключалась в том, что она завершилась компромиссом между властью и обществом, а не победой одной из этих двух сил. Результатом компромисса стали Конституция 23 апреля 1906 г., широкая политическая реформа и столыпинское преобразование страны.

При этом все составляющие успешного результата революции не были случайными. За каждой из них стояла своя история, своя «подготовка». Конституция подвела итог более чем столетнего – когда осмысленного, когда «инстинктивного» – продвижения России от Самовластия к конституционной и ограниченной монархии. В. Леонтович писал: «...Конституция от 23 апреля 1906 года представляла собой правовые рамки, в которых... можно было достичь политической цели, так долго остававшейся недостижимой и состоявшей в том, что монархия принимала либерализм как свою программу, а общественность сотрудничала с традиционными силами монархии при проведении в жизнь этой программы и даже находила какое-то внутреннее единство с этими силами»⁷. О том же раньше говорил и В. Маклаков: «В России были тогда две силы. Была историческая власть с большим запасом знаний и опыта, но которая уже не могла править одна. Было общество, много правильно понимавшее, полное хороших намерений, но не умевшее управлять ничем, даже собой. Спасение России было в примирении и союзе этих двух сил, в их совместной и согласованной работе. Конституция 1906 года – и в этом ее основная идея – не только давала возможность такой работы, но делала ее обязательной. Идти вперед, менять можно было только при обоюдном согласии. Соглашение между двумя политическими силами сделано было необходимым условием государственной жизни»⁸.

Иными словами, Конституция 23.06.1906 г. создала самые благоприятные условия для продвижения России к более совершенному состоянию. Это был в высшей степени взаимовыгодный компромисс власти и общества.

Широкая политическая реформа означала признание за большей частью подданных империи политических прав и допуск их к управлению (и здесь было продолжено более чем вековое дело). Столыпинский же план предполагал фундаментальное изменение социальных, экономических и правовых условий жизни русского народа. То есть он не сводился только к решению крестьянского вопроса (хотя это и было сердцевиной), но затрагивал страну в целом, во всех ее измерениях.

6 марта 1907 г. П.А. Столыпин выступил с большой речью в Думе. В ней сформулировал программу коренных преобразований русского социума. Она «представляла собой одно из самых решительных наступлений либерализма во всей русской истории»⁹. Эта программа стала основой правительственной политики вплоть до начала войны (после убийства Петра Аркадьевича ее продолжил В.Н. Коковцев). Приведем ее основные положения: 1) **религиозная терпимость и свобода совести** – были разработаны процедуры перехода из одного вероисповедания в другое, а также создания новых религиозных общин; устранялись все правовые ограничения, связанные с вероисповеданием; 2) **неприкосновенность личности** –

⁷ Леонтович В.В. *История либерализма в России, 1762–1914.* – Париж: YMCA PRES, 1980. – С. 465.

⁸ Маклаков В. *Власть и общественность на закате старой России: (Воспоминания современника).* – Рига, (Б.з.). – С. 585.

⁹ Леонтович В.В. *Указ. соч.* – С. 518.

арест, обыск и цензура корреспонденции могли иметь место только на основании судебного постановления; в случае полицейского ареста законность его должна быть проверена судом в течение 24 часов; предварительное расследование по политическим преступлениям проводят не жандармские офицеры, а судебные следователи; адвокат допускается к подзащитному уже во время предварительного следствия; предполагалось существенно изменить уголовно-процессуальный порядок, привести его в соответствие с «европейским стандартом»; 3) **совершенствование системы самоуправления** – создание нецензовых земств в волостях, расширение права голоса на земских выборах, придание земствам новых функций, ограничение надзора административных органов за деятельностью органов самоуправления; 4) **административная реформа** – создание целостной системы гражданской администрации; организация административных судов; 5) **аграрная реформа**; 6) **трудовое законодательство** – введение различных видов страхования, узаконение экономических забастовок; 7) **народное просвещение**.

В этот день П.А. Столыпин говорил в Думе: «В основу всех правительственных законопроектов... положена... общая руководящая мысль, которую правительство будет проводить и во всей своей последующей деятельности. Мысль эта – создать те материальные нормы, в которые должны воплотиться новые правоотношения, вытекающие из всех реформ последнего царствования. Преобразованное... отечество наше должно превратиться в государство правовое... Правовые нормы должны покоиться на точном, ясно выраженном законе еще и потому, что иначе жизнь будет постоянно порождать столкновения между новыми основаниями общественности, государственности и... старыми установлениями и законами, находящимися с ними в противоречии»¹⁰. Таким образом, им подчеркивалось: возникающие как результат реформ правоотношения будут иметь в соответствующих законах защиту от любой попытки их нарушения, в том числе и со стороны власти. Кроме того, П.А. Столыпин имел в виду следующее: новое законодательство необходимо для того, чтобы отменить старые установления и законы, противоречащие конституционному строю, к которому перешла Россия. Иначе говоря, им ставилась задача согласования всего правопорядка страны с Основными законами в редакции 23.04.1906 г.

Да, эта революция была удачной! Кстати, еще и потому, что ни власть, ни общество не «взорвали» народ. Народный мир, пережив волнения и повышенное напряжение, все-таки устоял, сохранил равновесие.

* * *

Что касается Февральской революции, то она могла быть и могла не быть. В отличие от революции 1905–1907 гг. эта не была исторически «запрограммирована». Более того, даже состоявшись, имела возможности развиваться иначе. В этом ее отличие от Октябрьской революции.

Почему же произошла Февральская революция? – Ставя этот вопрос, мы имеем в виду не влияние войны (а оно было; и было одной из причин революции), не неэффективные, а порой безответственные действия властей (включая Николая II), не «заговор» военных, не недалеко-видность и (тоже) безответственность «общественников», не стечение обстоятельств (снежная зима, затруднения в подвозе к Петрограду хлеба, очень холодная погода с внезапным к концу февраля – началу марта потеплением, когда жители города, «засидевшись» дома, высыпали на улицу и т.д.) и т.д. Это все причины важные, но, так сказать, важностью второй очереди.

По большому счету, Февральская революция произошла потому, что, к сожалению, ни общество, ни власть не поняли: революция **уже** (в 1905–1907 гг.) **была**. И максимум того,

¹⁰ Столыпин П.А. *Речи, 1906–1911. – Нью-Йорк: Телекс, 1990. – С. 37.*

что общество могло тогда «переварить», оно получило. И максимум того самоограничения, на которое тогда могла пойти власть, она установила. Таким образом, всем следовало оставаться в этих рамках, рамках исторического компромисса власти и общества и в рамках Конституции, не выходить за них, искать там соглашения и решения вопросов. Может быть, после войны эти рамки и расширились бы. Виновны обе стороны: царь и бюрократия (не вся, конечно) стремились к сужению этих рамок, общество стремилось их раздвинуть. И те и другие хотели выйти из этого исторического «договора».

Зимой 1917 г. общественникам померещилось: час настал. Власть **можно** взять в свои руки. За годы войны их влияние, практическая сноровка и самооценка резко выросли. Власть же напротив, казалось, не знала, **что** делать. Суетилась, куда-то пропали адекватные люди. – Все получилось очень легко. Дунул теплый мартовский ветер, и императорскую Россию снесло. Сто лет отчаянной, смертной борьбы с царским режимом, а финал схватки – почти оперетта. Почему? Вот главный вопрос к Февральской революции.

* * *

А вот и ответ: русское государство, русская институциональная система, даже русская полицейщина – при всех их грозности, грузности, громадности, при всех страхах, которые они наводили (наводят – это сохранилось) на ближних и дальних – чрезвычайно неустойчивы, неэластичны, неэффективны, но: хрупки и ненадежны. И чуть что, разлетаются вдребезги, в щепки, в ничто. (События 1991 г. подтверждают это.) – Вот и тогда, в начале 1917-го легкий мартовский ветер уронил Россию как Институт. А власть царь сдал добровольно (и противозаконно: нарушил и Конституцию, и закон прапрадеда Павла о престолонаследии). Общественники взяли у него власть в самом прямом смысле: как мы у кого-нибудь берем ключ и поселяемся в комнате, квартире, гостиничном номере. – Всё. Спор был закончен. Либералы (всех оттенков, включая консервативных) и социалисты (всех оттенков, включая радикальных) получили страну в свои руки.

Но вот уже почти девяносто лет историки задаются вопросом: куда «слиняло» общество летом-осенью (особенно осенью) 1917 г.? – А ведь оно имело за плечами весьма приличный политический опыт, умение самоорганизоваться, разветвленную по всей России сеть различных союзов, партий и т.д., деньги, наконец. К примеру, современный российский исследователь В.М. Шевырин убедительно рассказывает нам о громадной по своему размаху деятельности Всероссийского союза городов, Земского союза и Центрального Военно-промышленного комитета в годы мировой войны. Это были подлинно всероссийские организации. Скажем, в Союз городов входило 630 городов, а в Земский союз – 7728 учреждений. Они организовывали госпитали, пункты питания, стирку белья, бани, помогали беженцам. Были активны в тылу, на фронте, на путях следования войск, раненых и беженцев¹¹.

Еще раз скажу: между 1914 и 1917 годом «общественники» очень выросли и организационно, и политически. Почему же их противостояние тенденциям, которые вели к Октябрю, оказалось крайне неэффективным?

Ответ на этот вопрос связан с ответом на главный вопрос русской революции: что такое Октябрь 1917 г.? – Его мы не поймем, если не скажем еще об одной Революции, которая развивалась параллельно и синхронно Русской Революции, и тоже в России. Это была Революция крестьянства, т.е. Революция более 100 млн человек, подавляющего большинства населения страны.

Следовательно, для того чтобы уяснить, что происходило в России между примерно 1860 и 1930 гг., надо исходить из факта двух одновременных, «пересекающихся», «диффузирую-

---

¹¹ Шевырин В.М. *Власть и общественные организации в России, (1914–1917)*. – М.: ИНИОН РАН, 2003. – С. 46–54.

щих» друг в друга, однако самостоятельных революций. Каждая из них имела свое собственное содержание и смысл, характер и цели (если позволительно говорить о целях исторического процесса).

Но почему две революции? – Это следствие фундаментального раскола России на две субкультуры в результате преобразований Петра I. Об этом в свое время точно сказал В.О. Ключевский: «...Из древней (допетровской. – Ю. П.) и новой России вышли не два смежных периода нашей истории, а два враждебных склада и направления нашей жизни, разделившие силы русского общества и обратившие их на борьбу друг с другом, вместо того чтобы заставить их дружно бороться с трудностями своего положения»¹². А до него А.И. Герцен: «Две России с начала XVIII столетия стали враждебно друг против друга. С одной стороны, была Россия правительственная, императорская, дворянская, богатая деньгами... С другой стороны, – Русь черного народа, бедная, хлебопашенная, общинная, демократическая, безоружная, взятая врасплох, побежденная... Что же тут удивительного, что императоры отдали на разграбление своей России, придворной, военной, одетой по-немецки, образованной снаружи, Русь мужицкую, бородатую, неспособную оценить привозное образование и заморские нравы, к которым она питала глубокое отвращение»¹³. И он же: «...Две разных России... община и дворянство, более ста лет противостоящие друг другу и друг друга не понимавшие. Одна Россия – утонченная, придворная, военная, тяготеющая к центру – окружает трон, презирая и эксплуатируя другую. Другая – земледельческая, разобщенная, деревенская, крестьянская, находится вне закона»¹⁴.

Итак, возникли две России – не понимающие друг друга, разнящиеся по всем базовым цивилизационным и культурным характеристикам. Обе они зажили собственными жизнями. Правда, одна находилась у другой в рабстве. – Здесь необходимо подчеркнуть: будущие фигуранты Русской Революции – власть и общество – принадлежали к одной субкультуре – верхней, европеизированной, созданной Петром Великим.

Этот раскол России во многих отношениях определял ее историческое развитие в XVIII–XIX столетиях.

Таким образом, каждая из двух субкультур переживала свою собственную революцию. Но этого тогда никто не знал и не понимал...

* * *

Теперь о крестьянской революции. У нее было несколько измерений. Одно из них – знаменитый «аграрный кризис». Его диспозиция такова: демографический взрыв второй половины XIX – начала XX в. привел к перенаселению в деревне¹⁵; к этому времени были распаяханы все доступные тогда целинные земли, экстенсивный же характер земледелия сохранялся; в общине началось имущественное расслоение на богатых, средних и бедных. Ситуация потенциально становилась взрывоопасной.

Сначала ведомое С.Ю. Витте «Особое совещание по сельскохозяйственным нуждам» (1902–1905) пыталось теоретически разобраться с этой проблемой, затем П.А. Столыпин и его последователи (1907–1914) решить ее – известным способом – практически. Однако спровоцированная Февралем *общинная революция* покончила со столыпинской реформой,

¹² Ключевский В.О. Неопубликованные произведения. – М.: Наука, 1983. – С. 363.

¹³ Герцен А.И. Избранные философские произведения: В 2 т. – М.: Политическая литература, 1948. – Т. 1. – С. 267.

¹⁴ Герцен А.И. Письма издалика: Избранные лит.-крит. ст. и заметки. – М.: Современник, 1984. – С. 208.

¹⁵ Путным заметим: между 1880 и 1910 г. демографический взрыв пережили большинство крупных стран Европы (за исключением Франции): Австро-Венгрия – 30% (прибавки населения), Великобритания – 26, Германия – 43, Россия – 50%. Это одна из причин Первой мировой и всех последующих европейских революций.

почти полностью уничтожив ее результаты. – А 28 июня 1917 г. Временное правительство (инициатива министра-эсера Виктора Чернова) принимает решение, запрещавшее столыпинское разверстование земли и фактически частную собственность на землю.

Иными словами, общественники сдаются перед разворачивающейся крестьянской революцией. И дело здесь не в том, что в их рядах возобладала эсеровская линия, а линия Витте – Столыпина – кадетов оборвалась. Эсеровщина и стала последним словом общественников – говоря выпендренно – на суде истории, потому что столыпинщина обломала зубы о хребет передельной общины.

Так где же корни крестьянской русской революции? – К концу XVIII столетия – ходом событий, властью, помещиками (во многом как реакция на пугачевщину) – была создана передельная община. Ввели «тягло» – справедливую, равную систему распределения платежей и рабочей (трудовой) повинности. Цель была одна: поддержание равенства – нет бедных, нет богатых, нет пугачевых, нет бунта. А в основе всего – перманентное перераспределение, передел земли и уравнивание всех. Таким образом, социальная энергия миллионов русских мужиков канализируется во внутрь. Купируется возможность социального взрыва, выброса излишка энергии. Но перманентно-передельный тип социальности (уточним: передельная община рождается не только и, может быть, не столько в результате определенных действий определенных людей) – во многом следствие многовековой адаптации населения к природной русской бедности, к «запрограммированной» в этих северных широтах скудости вещественной субстанции. Что, кстати, «предполагает» низкий уровень потребления.

Самодержавно-помещичья социальная гармония закончилась, когда разразился «аграрный кризис». Экстенсивно-передельный инстинкт Всероссийской Общины выразился во все возрастающем стремлении к захвату помещичьих, государственных и пр. земель. Столыпинская земельная реформа вроде бы указала нормальный (в смысле: не кровавый) путь выхода из этой крайне опасной для всех ситуации. Действительно, ее успехов, особенно если принять во внимание, что на все про все история «выделила» лишь семь лет, недооценивать нельзя. – Однако пришел 1917 год, и в результате известных причин вновь поднялся уравнильно-передельно-захватный общинный вал.

* * *

Вот здесь-то большевики и оказались у кассы истории. И взяли ее. Непопулярный в научных кругах Р. Пайпс пишет: «Есть в русском языке слово “дуван”, заимствованное казаками из турецкого. Означает оно дележ добычи, которым обычно занимались казаки южных областей России после набегов на турецкие и персидские поселения. Осенью и зимой 1917–18 годов вся Россия превратилась в предмет такого “дувана”. Главным объектом дележа была сельскохозяйственная собственность, которую Декрет о земле от 26 октября (1917 г. – Ю. П.) отдал для перераспределения крестьянским общинам. Именно этим переделом добычи между крестьянскими дворами в соответствии с нормами, которые свободно устанавливала каждая община, и занимались крестьяне до весны 1918 года. На это время они потеряли всякий интерес к политике»¹⁶.

Молодцы большевики! Нашли дело для русского народа. А сами быстрехонько укрепляли свой режим. В январе 1918 г. провели еще одну революцию – разогнали Учредительное собрание и самоучредились в Советскую республику.

Большевики вправду нашли дело для всего русского народа. «Дуван» проходил и в промышленности (фабзавкомы и «рабочий контроль» свелись к разделу доходов, имущества, обо-

¹⁶ Пайпс Р. *Создание однопартийного государства в Советской России, (1917–1918) // Минувшее. Исторический альманах.* – М.: Прогресс, Феникс, 1991. – С. 91.

рудования предприятий), и в армии (прежде чем отправиться домой, солдаты грабили арсеналы, склады и т.д.), и в государственной сфере. Да-да, государство тоже стало «предметом» передела. Об этом – тот же Р. Пайпс: «...Зимой 1917–18 годов население России занималось дележом не только материальных ценностей. Оно растаскивало русское государство, существовавшее в продолжение шести столетий: государственная власть тоже сделалась объектом “дувана”. К весне 1918 года вторая по величине Империя мира распалась на бесчисленные политические образования...»¹⁷.

Таким образом, большевистская революция во многом была именно переделом власти государства. Нельзя сказать, что ленинцы все это придумали. Тем не менее «официальный лозунг “Вся власть Советам” облегчал этот процесс, позволяя региональным советам различных уровней – краевым, губернским, уездным и даже волостным и сельским – требовать независимой власти на подчиненной им территории. Результатом стал полный хаос»¹⁸.

Еще раз: передел земли, фабрик и заводов, армейского имущества и – как высшая форма передела – власти-государства. Конечной же «монадой», на которую передел власти не покушался, была *волость*. Здесь властный передел остановился. Внутри волости шел передел земельный. На границах волости – и это не случайно – встретились два главных русских передела. – Напомним всем хорошо известное: слово «власть» происходит от слова «волость». То есть, видимо, волость является первичной ячейкой русской власти. **Кроме того, именно на волостных рубежах от энергий двух этих переделов (власти и земли) рождается ключевой феномен истории России – властесобственность.** (Фундаментальность волости хорошо понимал крупнейший российский государствовед, юрист и историк Н.Н. Алексеев (1876–1964): «Известное количество сельских советов объединяются в некоторое высшее целое, именуемое волостью. Эту административную единицу советский строй унаследовал от старой России – и не только петербургской, но и древней, московской... Волость осталась в качестве органа местного крестьянского самоуправления после реформ императора Александра Второго. Большевики связали старую волость с советской системой...»)¹⁹.

Но все далеко не так просто с этой русской переделальной общиной, учинившей революцию, которая смела все результаты деятельности послепетровской европеизированной субкультуры (хотя и сама она не была незаконным, побочным «ребенком» этой субкультуры). – Исследования общины давно уже показали: ее экзистенция строится на двух противоречащих друг другу тенденциях (обычаях-институтах) – к становлению нормальной частной собственности на землю и необходимости постоянно поддерживать принцип «равных для всех оснований» (перманентный передел). Общим местом этих исследований стало утверждение, согласно которому антагонистические отношения этих тенденций несли в себе зерно разрушения общины. В конечном счете должен был, полагали аналитики, победить один из двух принципов. Но они ошибались.

Эволюция общины после завершения общинной революции 1917–1922 гг. и до начала коллективизации 1929 г. показала: обе эти тенденции – обязательные условия ее существования. Саморазвитие общины шло не в двух противоположных направлениях. Как бы это парадоксально ни звучало, но эти тенденции были лишь разными проявлениями одной «субстанции».

В скобках заметим: субстанция общины тоже менялась. Община становилась более открытой миру, более гибкой, принимавшей теперь и определенное неравенство, и новые формы организации – кооперацию, в первую очередь. То есть не исключено, что община трансформировалась бы в нечто социально устойчивое, эффективное, адекватное русской Сове-

¹⁷ Там же. – С. 93.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Алексеев Н.Н. *Русский народ и государство*. – М.: Аграф, 1998. – С. 329.

менности, в нечто в духе Чайнова – Кондратьева... Однако, как мы знаем, общине сломали хребет в 1929 году.

Так что же, большевики пришли к власти на волне общинной, крестьянской революции, на волне общенационального «дувана», место для которого было расчищено затуханием революции европеизированной субкультуры, подъемом той же общинной революции, войны, развалом государства? – Да, без этого большевики не победили бы.

* * *

В 1917 г. «столкнулись» две Революции. Столкнулись, как поезда. И подобно железнодорожной катастрофе произошла историческая катастрофа. Оба поезда сошли со своих путей.

К весне-лету 1917 г. Революция европеизированной субкультуры достигла всех своих целей. Здесь бы ей остановиться, передохнуть, «подумать» и начать строить. Но **именно в этот момент в нее врезалась Революция традиционалистской, крестьянской субкультуры.** Ее мощь лишь начинала разворачиваться. **Большевики сумели сыграть на этом столкновении:** на «временном» угасании одной Революции и подъеме другой. Развал государства и армии дал еще одну волну мощного разрушительного свойства.

* * *

Одна из важнейших тем в деле понимания Революции – соотношение Февраля и Октября. Сколько же об этом написано! Какие интеллектуальные силы участвовали в решении этой задачи! И что же? – В общем и целом имеются две позиции. Первую занимают либералы, которые убеждены: Февраль – это хорошо, Октябрь – плохо. Общего у них нет. Более того, Октябрь есть отказ от Февраля и его отрицание. Вторую позицию занимают все остальные. Когда-то в свойственной ему манере (мы бы назвали ее нагло-самоуверенным экспрессионизмом или отвратительно-галантливым журнализмом) Л.Д. Троцкий описал ее следующим образом: «Февральская революция была только оболочкой, в которой скрывалось ядро Октябрьской революции. История Февральской революции есть история того, как Октябрьское ядро освобождалось от своих соглашательских покровов»²⁰. Февраль и Октябрь, говорил он, связаны между собой так же, как зерно, породившее колос²¹.

Если отбросить характерные для вождя большевиков «соглашательские покровы» и соответствующие (для троцких) коннотации, то можно утверждать, что *так* полагает подавляющее большинство думающих о Революции. А разве позиция А.И. Солженицына иная? – Вот, например: «Если в Феврале было мало крови и насилия и массы еще не раскатились, – то все это ждало впереди: и вся кровь, и все насилие, и захват народных масс, и сотрясение народной жизни... Наша революция разгуливалась от месяца к месяцу Семнадцатого года – вполне уже стихийно, и потом Гражданской войной, и миллионным же чекистским террором, и вполне стихийными крестьянскими восстаниями, и искусственными большевицкими голодами по 30, по 40 губерний – и может быть закончилось лишь искоренением крестьянства в 1930–1932 и перетряхом всего уклада в первой пятилетке. Так вот и катилась революция – 15 лет»²². – Мастерски выстраивает Александр Исаевич сущностную хронологию Русской Революции, показывая как из одного «разгуливается» другое, как от исходной точки – Февраля – приходим к чекистскому террору. А изучая протоколы работы Временного правительства,

---

²⁰ Троцкий Л.Д. *История русской революции*: В 2 т. – М.: ТЕПРА, Республика, 1997. – Т. 1. – С. 25.

²¹ Там же.

²² Солженицын А.И. *Размышления над Февральской революцией*. – М.: НИК «Российская газета», 2007. – С. 78.

он видит: «Накатывается... продовольственная реформа..., через которую мы начинаем уже с мурашками угадывать большевицкие продотряды»²³.

Какая же из этих позиций адекватная или хотя бы ближе к истине? – Обе, и одновременно не та и не другая. Разумеется, правы либералы, защищающие *свой* Февраль. Какой террор, какая гражданская война, голод, истребление крестьянства? – **Сто лет послепетровская европеизированная субкультура шла к самоэмансипации и эмансипации русского общества.** С 60-х годов XIX столетия, о чем мы уже говорили, в стране начались революционные изменения. Наконец, к Февралю 1917-го достигли всех целей. И *содержательно* эта революция себя исчерпала. Да, она не сумела построить новую, демократическую Россию. Но ведь это уже задача пореволюционная...

Однако правы и сторонники второй позиции (вот парадокс: трудно найти менее схожие исторические фигуры, чем Троцкий и Солженицын, а в этом – ключевом для русских – вопросе по сути дела стоят на одной позиции). Конечно, Февраль развязал руки Октябрю. Событийно, конкретно-исторически одно перетекло в другое. И главные действующие лица этой драмы как-то очень плавно и убедительно сменили друг друга: сначала царская бюрократия и либерально-социалистическая общественность, затем либералы и социалисты, социалисты и большевики и, наконец, только БОЛЬШЕВИКИ.

Тогда в чем же ошибочность обеих позиций? – И та и другая – поверхностны. Они не идут в глубь социальных процессов, развертывавшихся столетиями. Нужен *принципиально* иной взгляд на Русскую Революцию, иной подход.

* * *

Мы должны понять структуру Русской Революции.

Первое. Она (1860–1930) была двойной комбинацией трех революций. С одной стороны, это 1905 г., Февраль и Октябрь 1917 г. (как нас учили в школе). С другой – Эмансипационная революция послепетровской европеизированной субкультуры, предвестниками которой выступили декабристы и которая победила весной 1917 г. Победила и почилла в Бозе. Свои задачи она выполнила, а строить новое ей было не по силам, не по плечу. Общинная же революция второй послепетровской субкультуры была традиционалистской, почвенной, старомосковской. Она началась весной 1917 г. и, по мнению специалистов, закончилась к 1922 г. Ее результат: *все* пахотные земли России наконец-то принадлежали Общине, столыпинская же реформа – последнее, что могла предложить ей европеизированная субкультура, – была похоронена.

Второе. Ничего общего – содержательно – между двумя этими революциями не было. Это – следствие послепетровского раскола на две субкультуры. Но, разумеется, и мы отмечали это, дело происходило в одной стране, и потому эти революции «пересекались», сталкивались, «вмешивались», диффузировали друг в друга. Эмансипационная революция лезла в деревню, проводила там реформы, провоцировала и т.д. Процессы, происходившие в общине, безусловно, затрагивали город (разными способами и путями, сейчас об этом говорить не будем) и всю европеизированную субкультуру в целом. Тем более что барьеры между ними постепенно рушились. Вместе с тем *имплицитно* общинная революция была направлена против «русских европейцев», европеизации и модернизации России. Против всего этого «восставали» те ценности, традиции, модели социальной психологии и социального поведения, которые в своей известной работе о русской революции (1906 г.) Макс Вебер квалифицировал как «первобытный коммунизм».

---

²³ Там же. – С. 74.

Третье. Большевистская революция пришла на историческую «площадку», которую ей расчистила (от государства) Эмансипационная революция. Причем пришла в тот момент, когда «эмансипаторы» полностью выдохлись. Это было весной и летом 1917 года. И уже вовсю полыхала Общинная революция, которая не только не мешала, но в высшей степени им способствовала и была ими использована (мы уже говорили об этом).

* * *

Выше мы вскользь упомянули, что Февраль в каком-то смысле был юридически «запрограммирован». Объясним в чем. – Мне много раз приходилось писать о неслучайности и адекватности Конституции 1906 г. Об этом же много раз говорили выдающиеся русские правоведы, общественные деятели, ученые.

Однако нельзя не сказать и об определенной «лжи» этой Конституции. В ее политико-правовое измерение (систему) были «втиснуты» два прямо противоположных друг другу института и принципа.

Первый – императорская власть, обладавшая суверенитетом, т.е. монопольно владевшая источником всех властей и законов; иначе говоря, сама и бывшая этим источником. Имевшая также все виды легитимности: сакральную (от Бога), «демократическую» (Романовы избраны на царство Учредительным Земским Собором 1613 г.), исторически-преемственную (правили страной триста лет) и формально-юридическую (закон о престолонаследии Павла I). Основные законы 1906 г. закрепляют все эти легитимности в конституционном тексте современного образца. Тем самым придают ей еще один вид легитимности – конституционно-правовой.

Второй – Дума, имевшая демократическую легитимность, т.е. по избранию, конституционно-правовую (по Основным законам), и издающая общеобязательные для всех без исключения россиян законы. Если к этому добавить, что согласно конституции империи Судебный Сенат – высшая судебная (кассационная) инстанция – обладал правом принимать решения, которые никем, включая императора, не могли быть обжалованы, то получается, что Дума плюс Сенат составляли вместе систему власти, потенциально альтернативную императорской. И хотя юридически в рамках Основных законов 1906 г. императорская власть была сильнее, чем «законодательно-судебная», социальный расклад и ситуация в обществе менялись явно в пользу новой системы власти. Это сознавали и представители императорской власти, и сторонники парламентско-судебной.

Да, Конституция 1906 г. была историческим компромиссом короны и общества. Но и одновременно возможным потенциальным источником нового взрыва. То есть Февраль Семнадцатого юридически был заложен в Основных законах. Другое дело, что можно было этим источником не воспользоваться. Воспользовались. Именно Временный комитет IV Государственной думы уничтожил императорскую власть. Это один из важнейший уроков Февраля.

Ода Февралю

Ну, хорошо, все это так. Февраль – трагическое событие нашей истории. Стыдное. Посыплет голову пеплом. – Почему же тогда огромное количество выдающихся и самых простых людей Империи были рады, да что там рады – счастливы. Их охватило какое-то пасхальное настроение (с Пасхой сравнивали первые дни после отречения Николая II многие современники и мемуаристы). Что-то подобное Питер пережил ровно за 116 лет до этого. После убийства Павла I (11 марта 1801 г.), как свидетельствует Карамзин, «все» погрузились в лихорадку счастья, восторга, парящей легкости. В чем же здесь дело? В обоих случаях массовый психоз? И что за взрыв безответственного веселья?

Как всегда, нам поможет объяснить это великая русская литература – в лице Бориса Пастернака и Осипа Мандельштама. Борис Леонидович в своем несравненном «Весеннем дожде» (весна 1917 г.) (обратите внимание на название) пишет (не поленимся прочитать это): «Усмехнулся черемухе, всхлипнул, смочил / Лак экипажей, деревья трепет. / Под луною навывкоте гуськом скрипачи / Пробираются к театру. Граждане, в цепи! / – Лужи на камне. Как полное слез / Горло – глубокие розы, в жгучих, / Влажных алмазах. Мокрый нахлест / Счастье – на них, на ресницах, на тучах. / – Впервые луна эти цепи и трепет / Платьев и власть восхищенных уст / Гипсовую эпопею лепит, / Лепит никем не лепленный бюст. / – В чьем это сердце вся кровь его быстро / Хлынула к славе, схлынув со щек? / Вот она бьется: руки министра / Рты и аорты сжали в пучок. / – Это не ночь, не дождь и не хором / Рвущееся: «Керенский, ура!», / Это слепящий выход на форум / Из катакомб, безысходных вчера. / – Это не розы, не рты, не ропот / Толп, это здесь, пред театром – прибой / Заколебавшейся ночи Европы, / Гордой на наших асфальтах собой».

В характерной для молодого Пастернака поэтике история, современность, политика объясняются через природные явления – весна, дождь, черемуха, деревья, лужи, розы, тучи и т.д. Весна – пробуждение, начало жизни, счастье, свежесть, восторг («полное слез горло»). И всему этому соответствует Керенский, более того, является подобием и олицетворением. Он аккумулирует энергию этого весеннего восторга и изливает ее на послушные ему толпы. Это он выводит к свету и радости, творчеству и свободному созиданию миллионы томившихся в «катакомбах, безысходных вчера». Более того, Пастернак включает русскую революцию в европейский (значит, мировой) контекст. Да еще как! Она и ее персонификатор выступают чуть ли не спасителями Европы (читай: мировой культуры и благоустройства), которая как-то заколебалась (война, бойня, смерть), но вновь обрела гордость «на наших асфальтах».

Суммирую: Февраль и первые за ним месяцы – это великий финал (увы, не начало, как думалось многими тогда) многодесятилетней (от декабристов) эмансипационной деятельности («жизни и судьбы») нашей интеллигенции, общественников, тех, кто мечтал и боролся за свободную, современную, справедливую Россию. Есть два возможных подхода к Февралю. Это дебют, приведший к кровавому Октябрю и Гражданской. Или эндшпиль длительного периода постепенного обретения свободы. В реальной жизни было и то, и то. Но нельзя игнорировать и «весеннюю» сторону событий весны Семнадцатого.

И еще одно соображение. В последнее время все мы (ну, почти все) печалимся о той прекрасной и много обещавшей дореволюционной России. Правильно делаем: это была (по моей терминологии) приемлемая страна, шедшая в нужном направлении. Параллельно мы отвергаем всякие (все) революции. К тому же, как это недавно выяснилось, – они «цветные», да еще и криминальные (кстати, на языке уголовников «цветной» означает «полицейский»; и это интересный поворот в определении любой революции, которые, повторю, все цветные; для точности: речь идет о своей полиции, а не чужеземной). От революции же у современных идеологов рукой подать до оппозиции. Которая не просто имеет свою точку зрения и стремится поправить дела в обществе, нет, она на 99% – «пятая колонна», «враг народа», «иностранный резидент».

Но вот в предреволюционные годы большинство интеллигенции и общественников самоопределялось иначе. Себя и свою родословную они отождествляли именно с протестным, антирежимным движением. Подчеркиваю: речь идет не только о «бомбистах», но о широком круге просвещенных и обеспеченных людей. – Вновь обратимся к Б. Пастернаку, к его поэтическому свидетельству. Надо сказать, что несмотря на то, что он родился в еврейской семье, его родители, братья, сестры были в полной мере вписаны в социальный порядок и культурный истеблишмент. Они не относились к разряду изгоев, париев, аутсайдеров. Это типичное самопонимание умеренного и далекого от политики человека.

Поэма «Девятьсот пятый год», глава «Отцы»: «Это народовольцы, / Перовская, / Первое марта²⁴, / Нигилисты в поддевах, / Застенки, / Студенты в пенсне. / Повесть наших отцов, / Точно повесть / Из века Стюартов, / Отдаленней, чем Пушкин, / И видится, / Точно во сне / – Да и ближе нельзя: / Двадцатипятилетье – в подпольи. / Клад в земле, / На земле – / Обездушанный калейдоскоп. / Чтобы клад откопать, / Мы глаза / Напрягаем до боли. / Покорясь его воле, / Спускаемся сами в подкоп. / – Тут бывал Достоевский, / Затворницы ж эти, / Не чаяв, / Что у них, / Что ни обыск, / То вывоз реликвий в музей, / Шли на казнь / И на то, / Что красу их подпольщик Нечаев, / Скрыл в земле, / Утаил / От времен и врагов и друзей. / Это было вчера. / И, родись мы лет на тридцать раньше, / Подойди со двора, / В керосиновой мгле фонарей, / Средь мерцанья реторт / Мы нашли бы, / Что те лаборантши – / Наши матери / Или / Приятельницы матерей».

Для людей этого типа (культурный, политический, экономический авангард России) Февраль оказался и был в первые недели (даже месяцы) моментом долгожданного освобождения и реализации почти вековой мечты. Да, ведь и бомбисты хватались за бомбы не только потому, что, во-первых, были злодеи, а во-вторых, ничего другого делать не умели (и не хотели). Вспомним выступление на суде Александра Ильича Ульянова. Он сказал, что власть не дает интеллигенции обратиться к народу и участвовать в формировании общественной жизни. И поэтому они вынуждены обратить на себя внимание *таким* образом. – Не соглашаюсь с этим, но свои резоны, своя правда у старшего Ульянова была.

Теперь – Мандельштам. Если Борис Леонидович приветствовал Февраль и Керенского весной Семнадцатого, так сказать, «на входе», то Осип Эмильевич – оплакивал в ноябре, «на выходе». Этим двум прямо противоположным ситуациям полностью соответствуют их разнящиеся поэтики. У Пастернака – экстатически-восторженная, задыхающаяся, совершенно неожиданная в сближениях, определениях, переходах, не всегда сразу-доступная, как будто путающаяся, не замечающая обыденности, рвущаяся к каким-то новым смыслам и пространствам (аналог ей новая физика начала XX в. и особенно квантовая физика). У Мандельштама – неоклассическая, акмеистская, выверенная, точная до дрожи, формально безупречная, – но решающий шаг за пределы видимого, осязаемого, наличного мира сделан. Обретен совершенно новый голос в русско-мировой поэзии: печально-погребаящий, спиритуально-торжественный. Не вызывающий сомнения, что он имеет на *это* высшее право (при всех глубочайших различиях это же можно сказать об Анне Ахматовой).

Ноябрь 1917 г., Февраль сметен, Керенский выброшен из актуальной русской истории. Раздается реквием, Мандельштам прощается от имени России («и неподкупный голос мой был эхом русского народа»): «Когда октябрьский нам готовил временщик / Ярмо насилия и злобы, / И оцетинился убийца-броневик / И пулеметчик низколобий, – / – Керенского распять! – потребовал солдат, / И злая чернь рукоплескала: / Нам сердце на штыки позволил взять Пилат, / И сердце биться перестало! – И укоризненно мелькает эта тень, / Где зданий красная подкова; / Как будто слышу я в октябрьский тусклый день: / Вязать его, щенка Петрова! – Среди гражданских бурь и яростных личин; / Тончайшим гневом пламенея, / Ты шел безтрепетно, свободный гражданин, / Куда вела тебя Психея. / – И если для других восторженный народ / Венки свивает золотые – / Благословить тебя в далекий ад сойдет / Стопами легкими Россия».

Казалось бы, – голос Ахматовой: «все расхищено, предано, продано, / Черной смерти мелькало крыло, / Все голодной тоскою изглодано», – но Мандельштам, даже в сравнении с Пастернаком, поднимает наше понимание Керенского, следовательно и Февраля, на новый уровень. Это лучший во всех смыслах памятник Событию и центральному человеку. Это по природе своей неревизируемое понимание Эмансипационной революции и ее вождей. Это наперед, на вырост, на столетие единственное определение соотношения Февраль – Октябрь. Даже

²⁴ Первое марта 1881 г. – убийство Александра II.

А.И. Солженицыну, потомку и продолжателю Аввакума, Достоевского и Толстого, не удалось его «снять».

Распять, Пилат, злая чернь, октябрьский временщик, щенок Петров, свободный гражданин, благословляющая его в аду Россия. Да, в аду – это ответственность за поражение (но ведь и Христос в известном смысле тоже потерпел поражение...). Михаилу Булгакову потребовалось около десяти лет, чтобы написать, по большому счету об этом же, многостраничный гениальный роман, Осипу Манделштаму – двадцать строк.

Помните реакцию М.И. Кутузова на непреодолимые трудности французов в захваченной ими Москве – «Россия спасена». Имея два этих (Бориса Леонидовича и Осипа Эмильевича) свидетельства, можно с уверенностью утверждать: Февраль, Керенский, князь Львов, другие спасены, оправданы, защищены, направлены на вечное хранение в золотой фонд русской истории.

Пишу через девяносто девять лет после События, знаю, что было потом, вместе с другими поучительно говорю об ошибках, безответственности, непонимании и т.п. всех этих царей, генералов, министров, общественников и т.д., но почему-то в голову лезет не имеющее отношение к этому (просто по другому поводу): «Февраль. Достать чернил, и плакать / Писать о феврале навзрыд...»

Навзрыд...

Февраль и его деятели проиграли все на свете (и себя тоже, про нас и говорить нечего). Спустя девяносто девять лет его (и их) идеалы и ценности являются для русского общества путеводной звездой.

Заключение

Как закончится нынешний Шестнадцатый. Станет ли он началом чего-то. Или продолжением. Заключением?

Россия 2014–2016: Новый курс

И.И. Глебова

Глебова Ирина Игоревна – доктор политических наук, руководитель Центра россиеведения ИНИОН РАН.

Уже сейчас понятно, что 2014–2015 гг. – века не только послесоветской эпохи, но и шире: российской истории. Эти годы поставили перед русским человеком, обществом и властью центральные вопросы: о свободе и порядке, войне и мире, национальных интересах, задачах, перспективах. И ответы на них получены; они уже определяют нашу жизнь. Тем самым пространство выбора: чем быть России, каким будет наше будущее, в значительной степени сужено. Хотя сама тема выбора, конечно, не снята.

Нам еще предстоит серьезное, обстоятельное исследование нового курса, которым в эти годы пошла страна. Но какие-то наблюдения, суждения, предположения возможны и сейчас. Они, безусловно, чрезвычайно субъективны, поверхностны, спорны. Речь ведь идет о том, что случилось только вчера и еще не успело стать историей, что непосредственно касается каждого из нас. Но избежать этого нельзя. А начинать анализ российских дел следует с украинского вопроса.

От «соглашения» о стабильности – к националистическому консенсусу

Размышляя о том, что произошло с Россией в короткий срок (с осени 2013 г.), обратимся к книге одного из выдающихся западных исследователей Р. Пайпса «Русский консерватизм и его критики»²⁵. Объясняя, почему в середине XIX в. в России возник новый консерватизм, имевший националистические, а в крайних случаях – шовинистические, ксенофобские и антисемитские черты, и проповедовавший антизападничество, ученый указывал на влияние польского восстания 1863 г. «Как и предшествовавшее ему восстание 1830–1831 годов, оно задело русское национальное чувство, поскольку было истолковано не как законная попытка народа с многовековой историей вернуть себе независимость, а как европейская атака на Россию, – пишет Пайпс. – ...Это в огромной степени способствовало появлению крайнего национализма и усилению ощущения, что только самодержавие сможет сохранить целостность страны»²⁶.

Украинское восстание 2013–2014 гг. оказало приблизительно такое же влияние на Россию (скорее, психологическое и политическое, чем интеллектуальное). Попытка Украины окончательно утвердить свою «отдельность» от России, завершив тем самым процесс строительства независимой государственности и равноправной нации, задела русское национальное чувство. Потрясение от украинского выбора, воспринятое как предательство (всего: общей истории, общей повседневности, общей победы в Великой войне, общих дел «элит», общих проблем и бед народов и т.д.), способствовало окончательному оформлению в России крайнего национализма, построенного на антизападничестве и имеющего ярко выраженные шовинистические, ксенофобские и антисемитские черты²⁷. Он носит оборонительный характер и оттого особенно агрессивен.

---

²⁵ Пайпс Р. *Русский консерватизм и его критики: Исследование политической культуры / Пер. с англ. – М.: Новое издательство, 2008. – 252 с. – (Библиотека «Либеральная миссия»).*

²⁶ Пайпс Р. *Указ. соч. – С. 154, 159.*

²⁷ *Последнее – вовсе не оговорка, хотя риторика противостояния «жидобандеровцам» вроде бы этому противоречит. Антисемитизм в России и СССР (да и не только здесь) всегда был спусковым крючком для крайнего, т.е. погромного, национализма. Его основной тезис: спасай Россию! Как – всем у нас известно.*

Киевский майдан, остановивший историческое дело «воссоединения Украины с Россией» (символично: в 2014 г. ему как раз минуло 360 лет), сплотил подавляющее большинство российского населения, охваченного националистическим порывом, вокруг «президентского самодержавия». Единение вокруг трона – наш аналог американского сплочения вокруг флага – было вызвано нараставшим (поддержанным и многократно усиленным СМИ) ощущением того, что украинский выбор (на Запад – значит, против России) угрожает самому существованию страны. Победоносная операция под кодовым названием «Крым – наш» и затяжное противостояние на востоке Украины отчасти сняли и эти страхи, и опустошающее осознание собственного одиночества.

Уязвленная национальная гордость, украинское предательство и ощущение западной (американо-европейской) угрозы превратили «великоросса» в националиста, заставили забыть о том, что еще вчера он был советским человеком, т.е. убежденным интернационалистом²⁸. Лидером же националистического движения стало «самодержавие», своей украинской политикой нейтрализовавшее всех общественных конкурентов – творцов и глашатаев постсоветского русского национализма. Теперь социальная база национализма невероятно расширилась. Почти вся страна – самодержавный «народный фронт», а все националисты-общественники – не более чем идеологическая обслуга (или попросту медиа-«кричалки» – возбудители ненависти) народного самодержавия / самодержавного народа.

Наконец, украинское восстание привело к окончательному размежеванию российского общества – на сторонников и активистов нового «народного фронта» и его противников – явных (публично заявивших о своей позиции, т.е. обнаруживших себя) и потенциальных (затаившихся, не саморазоблачившихся, воздержавшихся). Собственно, так и должно было быть.

Украинский вопрос (чем быть Украине? какую ориентацию выбрать?) является в то же время вопросом русским: кто мы? чем будет Россия? Ведь остаться без Украины, по существу, означает окончательную ликвидацию сферы послеэсэсэсэровского геополитического влияния России, замыкание в собственных границах и, что хуже всего, полное одиночество (без друзей и союзников). Ответ большинства россиян «озвучила» (одно из главных слов новорусского лексикона, странное и неадекватное для обычного русского уха) власть: раз Украина – не Россия, то Россия – не Европа. Более того, Россия – анти-Европа: есть наш, русский, мир, и он против вашего. Это именно *общий* ответ (его, в случае чего, не списать на власть), о чем свидетельствуют данные социологических опросов. Антизападнические настроения россиян к концу 2015 г. побили все прежние рекорды: около 80% – отрицательно относятся к США, видя в них угрозу, и около 70% – к ЕС.

Воинствующее антизападничество стало основой нового исторического консенсуса российского общества и российской власти, сменившего «пакт о стабильности» рубежа 1990–2000-х. Очевидно: его следствием будет не какой-то вариант «восточничества» (и придание образу России соответствующих: по официальному определению, евразийских – черт), а новый приступ изоляционизма.

Из этого властенародного консенсуса выпадает немалая часть общества. Не составляя социального единства, ее представители прослаивают всю социальную ткань, т.е. являются не слоем, а «прослойкой» – как советская интеллигенция. Новые националисты считают их чуждыми «традиционным российским ценностям». Отчасти это верно – они действительно

---

²⁸ Ответом на падение коммунизма могли быть у нас либо либерализм, либо национализм. Либеральный (или либерально-социал-демократический) выбор стал бы для России и выбором в пользу Европы. Посткоммунистический национализм в принципе мог быть окрашен в разные тона. Но из 90-х, с их странным сочетанием лучших намерений, опыта свободы, вседозволенности, экономического произвола и торжества социальной несправедливости, должен был выйти национализм защитно-компенсаторного толка, т.е. реакционный и антизападнический (это вещи неразрывные – у нас реакция всегда имеет антизападнический характер). Тенденции к национализации либерализма и либерализации национализма потерпели в современной России окончательное поражение.

чужды традиции изоляционизма. Но, как известно, «традиционно русское» этой склонностью не исчерпывается. Да, России свойственна антиевропейская тяга, какая-то даже необходимость время от времени почувствовать себя не-Европой, побыть вне и без цивилизованного мира – в одиночестве. Однако европеизм занимает в российской истории столь же сильные позиции, как и антизападничество.

Россия 2000–2010-х унаследовала от поздне- и послесоветских времен массу людей, вестернизированных не в потребительском лишь отношении (вот тут уж мы точно – европейский продукт, наши современные вид и быт – следствие импорта европейских образцов), но и в культурно-ментальном. Для этих россиян проповедь антизападничества чужда и непонятна. Потому что они не только считают себя европейцами, но и в значительной степени являются таковыми. В их мировоззрении национальное чувство соседствует с космополитизмом (т.е. с тем, что противоположно воинствующему изоляционизму), ощущением своей принадлежности к европейской культуре. Их патриотизм окрашен в культурные и гражданские тона. Они предпочитают мирное сосуществование фронтам (во всех смыслах и видах), агрессии, милитаризму. Поэтому инстинктивно сторонятся нового националистического консенсуса, видя в нем угрозу себе, своему образу жизни, а также общему (российскому) будущему.

Этот социальный раскол – одно из главных следствий «нового курса». Следствий, безусловно, опасных, угрожающих социальной стабильности и устойчивости. Будучи культурно-ментальным в своей основе, этот раскол имеет глубокие исторические корни (о чем мы еще скажем). В то же время это явление обусловлено нашим недавним прошлым.

От какого наследия мы отказываемся

По существу, антизападничество / изоляционизм / национализм (как форма русского имперства) – ответ России 2000–2010-х, т.е. страны, оправившейся от исторического потрясения, определившей, со сформировавшейся «массовой волей» (в смысле: волей масс), позднему СССР, а также перестроечному, горбачёвско-ельцинскому прошлому. Эта Россия отказывается от главного в позднесоветско-перестроечном наследии – от настоящей потребности открыться, войти в мир, быть его частью, во взаимодействии с ним искать новые источники для развития. Заодно прощается со всей мировоззренческо-ценностной атрибутикой, которая должна была обеспечивать – и некоторое время делала это – движение в мир и соответствующие этому изменения внутри страны.

Демонтаж оттепельно-перестроечного наследия (традиционно радикальный: по принципу «отречемся от старого мира») шел в последние почти два десятилетия по двум линиям. Прежде всего, по частной, «субъективной» (точнее, субъектной). Из публичного поля пропали почти все перестроечные «выдвиженцы» (из разных сфер – политики, экономики, науки, культуры), обществом отторгаются те типы личности («модальные личности») и образцы социального поведения, которые возобладали в перестройку и 90-е. Можно сказать, что новой Россией, возникшей на месте СССР (а это именно *путинская* Россия), отрицается тип свободного человека, все формы его самовыражения. Кроме того, первая половина 2010-х стала пиком отрицания демократического «проекта» на мировоззренческом уровне (т.е. его отрицания по существу). А значит, это неизбежно должно было приобрести – и приобрело – политические, экономические, культурные и прочие формы. Из России 2010-х изгнаны темы свободы, гражданской ответственности, самодеятельной солидарности. Современная русская жизнь строится на прямо противоположных основаниях.

Строится, надо сказать, органически – снизу вверх. Но в оформлении этой привычно-органической коллективной тяги – к жизни в несвободе (изоляционизм, безусловно, рамка, способ оформления такой жизни) – большая заслуга нынешней власти. В последние 20 лет «верхи», немало потрудившись, вернули все, что потеряли в 90-е: контроль над политикой,

экономикой, культурой, сознанием и поведением «народных масс». Они вновь – руководящая и направляющая сила нашего общества. При этом «новые управленцы» обошлись без всяких КПСС (а также комсомолов, профсоюзов и других массовых организаций). Однако активно эксплуатировали советское наследие – во всех отношениях: разведанные запасы углеводородов и прочие «богатства недр», советские здания и учреждения, советское кино, врожденную способность миллионов людей мыслить по-советски и т.п. То есть употребили себе на пользу и «базис», и «надстройку».

Для новорусских элит 1990-е, действительно, оказались провальными, а 2000–2010-е – победными. Они восстановились как «господствующий класс», т.е. вернулись к традиционному типу самореализации, традиционной модели взаимодействия с народом (в режиме «правлящие–подвластные»), поставленным под вопрос в перестроечные времена²⁹. В то же время «верхи» сняли с себя многие прежние (исторические) ограничения и приобрели тем самым новые преимущества. Не случайно в качестве основы легитимности они выбрали 1945 год: победители могут быть наследниками только победителей. Здесь же – их ценностная, идеологическая смычка с народом, из которого они вышли и от которого теперь страшно далеки (в потребительском, экономическом отношении).

Но вот что интересно. Для исторической легитимации отрицания времен перестройки / реформ нам (и «верхам» и «низам») не хватило обращения к «брежневскому СССР» или легенде «андроповского поворота». (Хотя это оправдано и с исторической, и с символической точек зрения: «застой» и «революция сверху» суть альтернативы «революции снизу» – против традиционной системы, делающей ставку на несвободу / принуждение / произвол, безусловно имевшей место на рубеже 1980–1990-х.) Чтобы убить 90-е в себе, современной России потребовался «Сталин»: и соответствующий опыт («нормализация» / оправдание террора в прошлом – всегда разрешение на насилие в настоящем) и мифология торжествующего тоталитаризма³⁰. То есть отказ от перестроечно-демократического наследия, ориентирующего на всемирность / европейскость России, потребовал возврата к ценностям предыдущей эпохи.

И дело здесь не только в яркости, интенсивности, привлекательности, энергетике того, в полном смысле слова перестроечного, времени. В том лучшем, что в нем было, оно соответствовало современности – стремлению к устройению мира на тех началах, которые были бы более щадящими по отношению к человеку, нормализовывали его жизнь, гасили в нем худшее.

Никто тогда не знал, *как* это сделать, но такое намерение, массовая воля к такой перестройке были. И это естественное стремление, по-человечески понятный выбор. Теперь народная воля торит у нас дорогу в каком-то другом направлении. В самом общем смысле перспективы этого движения («курса») очевидны. В конце 1980-х годов в СССР был демократический подъем – и произошла демократическая революция. В России середины 2010-х налицо реакционный подъем – а значит, вероятен реакционный переворот. Более того, он уже совершается – на наших глазах, при нашем участии или помимо него.

Об отрицании свободы как необходимости

Уже не первый раз в своей истории мы пытаемся ответить на вопрос: как построить наш мир на современных началах, т.е. на основе свободы и взаимной ответственности – для свободного человека. И даем ответы, которые, разнясь по форме (в соответствии со временем), совпадают содержательно – в главном. Мы не можем и не хотим организовываться на таких

²⁹ Смысл всех русских перестроек, собственно, и состоит в признании свободы как необходимости и попытке изменить на этой основе «режим» взаимодействия «верхов» и «низов»: чтобы правящие стали управляющими (временно и в рамках закона), а подвластные – управляемыми, наделенными правами и правом же ограниченными.

³⁰ Это нелюбимое у нас теперь слово употребляется здесь именно в мифологическом значении – как название для системы, где тотальная народная воля слилась с тотальностью народной власти.

началах. «Русский мир» (еще один термин из современного лексикона, характеризующий нашу современность с идеологической, ценностной стороны) их отторгает – причем именно тогда, когда они начинают в него вживляться, в нем утверждаться.

Так случилось, что очередной окончательный отказ от свободы, т.е. от современных способов социальной организации³¹, пришелся на наше время. То, что он приобрел крайние, мало-приличные, подчас неадекватные формы, не случайно. Это непосредственная реакция на демократию – не только на результаты ее строительства, которые (как и «реальный социализм») ничего общего не имеют с исходной идеей и западной практикой, но и на демократию как принцип социального устройства, как социальный идеал.

Отведав этих плодов, наш человек осознал, насколько они ему не по вкусу – интонационно, поведенчески, институционально, всячески. Раздражают несоответствием каким-то глубинным, «корневым» началам обычно-привычной жизни. Пожалуй, только этим можно объяснить повышенную эмоциональность, странную взвинченность, даже легкую истеричность общественных настроений «против перестройки», «против Горбачёва», «против демократов», «против 90-х». Ну, невозможно было все это выносить! Как только «наверху» задвигались, заговорили, закомандовали привычным образом – все как-то сразу успокоились: наконец-то – вот теперь все устроится.

И действительно устроилось – так, как и можно было ожидать, памятуя прежний опыт: в «вертикаль» – экономическую, политическую, культурную, мировоззренческую. И это тогда, когда весь мир (цивилизованный – т.е. тот, в котором есть место для человека) идет в прямо противоположном направлении: организуется через «горизонталь». Основной принцип современной жизни, современного социального устройства – не властный, а общественный. Нынешний субъект развития – не персонификатор Власти (а значит, и не привластные силы, не бюрократический аппарат), но человек, им порожденные сетевые структуры. Современный человек – это «человек горизонталь». Наш же доминирующий социальный тип нацелен на «вертикаль». Она у него в голове, он переносит ее в жизнь, на этой основе строит все общественные отношения и институты. То есть постоянно воспроизводит прошлое – старый, не оправдывающий себя даже у нас способ социальной организации. Отсюда, кстати, непреодолимая тяга россиян к временам, вроде бы, демонстрирующим эффективность такого устройства, к поиску в дне сегодняшнем и «изобретению» традиций, способствующих укреплению «вертикали» (социально, институционально, ментально).

Теперь, как прежде, наша жизнь выстраивается «сверху»; все задачи и интересы, кроме «вертикальных», – мелочи, которыми можно пренебречь. Оказалось, наш человек способен отступить от традиционного: «я их не трогаю, никуда не лезу, а они пусть не мешают мне жить» (социологический факт: так описывают «низы» идеал своих отношений с «верхами»)³².

³¹ Свобода – вовсе не абстрактное, трудноуловимое понятие. Говоря о социальной свободе, мы имеем в виду расширение зоны личной ответственности, обеспеченной правом. При этом речь идет о всех сферах жизни общества – экономике, политике, культуре и т.д. Свобода – это не воляница, а правовой порядок, где социальная жизнь регулируется правом (а не через иные формы – религиозные или властно-насильнические), установлено правовое равенство (все являются равными правосубъектами) и правовая однородность (действует одна для всех правовая система). Залог свободы – наличие свободы выбора. Организация общественной жизни на началах свободы предполагает достаточный уровень экономического развития. Социальная же несвобода – это расширение табузированной зоны, где действует система автоматических табу / запретов, обеспеченная произволом.

³² Этот идеал действительно исторический – в том смысле, что уже стал традицией. Так русский крестьянин выстраивал свои отношения с начальством, с государством. Община, общинные структуры служили посредником между крестьянством (его «миром») и миром внешним, в отношениях с которым крестьянин всегда выступал как «обязанный» (долгами / налогами, службой и проч.). Потому воспринимал этот мир как чуждый, чувствовал себя от него отчужденным: «скрывался» в общине, бежал за его пределы (на те пространства / «окраины», которые еще не были поглощены государством / системой, не стали официальной Россией). Но и система поощряла этот тип взаимодействия с народонаселением – особенно в спокойно-«застойные» (т.е. лучшие для России) времена. Да и «элитам», когда они доросли до «совершеннолетия», власть / система предложила тот же вариант: живите, как хотите, но ко мне, т.е. в политику, не лезьте (см. манифест Петра III о волюности дворянской, подтвержденный «дворянской царицей» Екатериной II). Вот она, «свобода по-русски»: воля

Он даже готов пожертвовать свободой частной сферы и своим правом потреблять, т.е. «народным наследием» 90-х. Понятно: одни дали – другие взяли (им по силе – значит, они и вправе), не бунтовать же, в самом деле. Свои люди – сочтемся. Вот здесь, в глубинной потребности в «вертикали», – (помимо прочего) источник нового, послекрымского «властенародия»³³.

Всё это реакции общества, по преимуществу несвободного, на распространение в нем свободы. Наша социальность столетиями формировалась как несвободная; основа / истоки московского самодержавия и петербургского имперства – крепостнический порядок. Русское массовое общество созидалось – в рамках советского «проекта» – как тотально несвободное (и потому закрытое, отчужденное от всех других³⁴). Если исходить из теоретической посылки, что разные общества – это соединение различных типов модальных личностей, то специфика общества российского состоит в том, что в нем по-прежнему господствует личность несвободная. Причем за XX столетие она осознала и приняла свою несвободу как основу существования. Цель этой личности – адаптироваться к условиям несвободы, встроиться в систему, которая этим условиям соответствует (здесь неважно, как она называется: самодержавно-крепостнической, командно-административной, авторитарной, полицейской).

Обменять свободу на блага, которые дает система, – вот жизненная установка личности такого типа. Равнодушие (к любому другому), неучастие, единомыслие – необходимые условия обмена. Практикующий все это человеческий тип – основа несвободного общества. Для того чтобы оно существовало, нужна и соответствующая система власти: та, что есть, – гарант и охранитель несвободы, этой главной общественной скрепы.

«Русский Запад» как историческое явление

Если бы «русская система» была замкнута только на себя, никак не зависела от окружающего мира, она могла бы жить и жить по своим понятиям. Но временами она остро ощущает эту зависимость и свою неустойчивость (из такого рода «переживаний» рождались в России оттепели и перестройки). Система этого типа внутренне нуждается в «достройках» / «подпорках» – в технологиях общения с современным миром. Они восполняют ее дефициты, позволяют адекватно реагировать на внешние вызовы, т.е. не отставать, держаться в «строю», соответствовать цементирующей «нацию» идее: «большая страна – большая историческая судьба».

Впервые жестко и последовательно за этими технологиями пошел Петр I – в прямом смысле: на Запад – современность уже тогда имела европейское лицо. Попутно создал страту людей, умеющих («наученных» – на Западе, Европой) обращаться с этими технологиями. Так, из внутренней потребности традиционного порядка соотносить себя с миром, встроиться в современность (быть современным) в России появилась европеизированная субкультура (меньшинство)³⁵. Созданная для нужд системы, она постепенно наращивала субъектность и

в частной жизни, служба по желанию и неучастие в том, что находится за пределами частного / индивидуального. Иначе говоря, жизни общественной в рамках традиционного русского порядка не предполагалось – ни во времена деспотические, ни в эпохи «оттепельные». Поэтому социальная зрелость для разных слоев населения (сверху вниз – с элит до народа) означала их выход из круга «частностей» и создание своей «внешней» жизни: дворянских корпораций, обществ, рабочих профсоюзов, крестьянской кооперации и т.д.

³³ Этот термин кажется мне подходящим для обозначения своеобразного типа коммуникации «верхов» и «низов» русского общества. Подробнее см.: Глебова И.И. Как Россия справилась с демократией. – М.: РОССПЭН, 2006. – С. 132–143.

³⁴ Советский «проект» в первоначальном замысле в идеале был изоляционистским: изоляционизм возводился в принцип. Отсюда постоянная потребность советского порядка во врагах, милитарный пафос противостояния / чуждости всему миру, органическая склонность к войне как способу решения внешних проблем.

³⁵ Как показывает история, чтобы стать современной, России нужна именно европейская «прививка». «Русские европейцы» являлись проводниками этого влияния. В результате европеизации русская жизнь обновлялась, становясь более сложной. Ведь все новое – это и новые возможности (воздух свободы раскрепощает, раскрывает человека, с ним в общество приходят новые темы, вопросы, смыслы, способы существования, формы жизнедеятельности, институты), и новые опасности, угрозы. Проблема в том, что традиционный, исторически сложившийся тип русской социальности – против услож-

стала своего рода «внутренним Западом». Чем успешнее эта социальная страта справлялась с задачей обслуживания системы, тем быстрее шел процесс обретения ею субъектности.

Субкультура русских европейцев «строилась» вокруг тех тем, которые противоречили логике системы (свобода, самодеятельность, общественное служение – в их числе)³⁶. Поэтому, действуя в ее рамках, она являлась в то же время оппозиционным, антисистемным элементом (иначе говоря, вызовом системе). Однако со временем и сам традиционный порядок, закрепивший несвободу как принцип социального существования, приобретал новые измерения, новые качества. Как под давлением внешних вызовов (сигналом к изменениям у нас всегда служили проигранные войны: крымская, японская и проч.), так и под влиянием европеизированных слоев населения (они множились с распространением образования, урбанизацией, технической модернизацией). Разлагались «основы»; Россия (вся: власть, «верхи», «низы») менялась – сложно, мучительно, с трудом сохраняя равновесие. С отмены крепостного права процесс изменений, вектор которых – европеизация (экономическая, политическая и проч.), стал необратимым. Обустроиваясь на новых началах, страна добилась невиданных успехов. Казалось, русское массовое общество будет строиться в рамках и на основе свободы, права, самодеятельности.

Но когда к грузу старых и новых (вызванных реформами конца XIX – начала XX в.) проблем добавилась мировая война, Россия не выдержала – рухнула. Все новое, все продукты изменений были похоронены под развалинами. В том числе человек – европейского, модёрного типа. Революция и Гражданская война обернулись в России борьбой с «внутренним Западом». Ее следствием стали конец гражданского общества, гражданского активизма, физическое вымирание не только людей европейского склада, но и соответствующих взглядов, ценностей, идеалов. Надо сказать, особый жалости ко всему этому никто тогда не испытывал. И не случайно у нас не прижилось толкование Гражданской войны как братоубийственной, как самоуничтожения. Страна избавлялась от «чужих»; принадлежность к дореволюционной (читай: европейской) культуре была признаком «инаковости».

В советские – точнее, в сталинские – времена выкристаллизовалось стойкое антизападничество, что в значительной мере объяснялось анти-модернизмом сталинского «проекта» (СССР 1930–1950-х – это выпадение из *modernity*, т.е. из современности, в основе своей культурно-ментальное). Преодолеваться оно стало уже при Сталине – и главной вехой на этом пути явилась война: Великая Отечественная. Во время освободительного похода советская армия столкнулась с Европой (прежде всего, с бытовой, «хозяйственной» стороны). Это не прошло без последствий. Оправдались сталинские предвидения: советский человек, побывавший за границей, – это уже ненастоящий («испорченный» – в смысле наведения порчи) советский человек. Народный вождь успел наказать народ за «предательство» (пусть и неосознанное или даже потенциально возможное) принципов – и его лично (как творца и хранителя изоляционизма / антизападничества): борьбой с космополитизмом, новым погромом верхушки армии, отказом «праздновать» победителей.

Смерть Сталина означала, что массово карать за интерес / симпатию к Западу уже не будут. И чем больше СССР становился *послесталинским*, тем сильнее становился этот интерес, появлялись возможности его удовлетворения. Да и образование (школа, вуз) давало людям, к тому чувствительным, основание полагать: если не пространственно и властно, то уж куль-

---

нения. Он склонен ограничивать более сложные формы жизни, давить связанный с ними «социальный контингент». Сложность, многообразие, открытость и прочие «излишества» противоречат его внутренней логике – выживания, а не развития. Общество этого типа сберегает себя на пути упрощения, сброса сложностей. Однако обновленческие «рецидивы» неизбежны и у нас. Потому что склонность к развитию – в природе любого общества. А ее стерилизация – путь к разложению, гибели.

³⁶ Кстати, по этим темам европеизированная «субкультура» «верхов» и была расколота: либеральной культуре (условно говоря, «чицких») противостояла культура охранительная («фамусовых» и «скалозубов»).

турно мы все-таки близки Европе. Становясь все более массовыми, эти интересы и ощущения и творили из СССР после-, не- и антисталинскую страну.

В послесталинском СССР тоже сложился «внутренний Запад» – из вызовов НТР, разрядки, глобализации, послевоенной гуманизации и социализации (в смысле: «больше социализма»). Он, конечно, был другим, чем в дореволюционной России: не «верхним» общественным слоем (подобно дворянству), а вестернизированной «прослойкой», осваивавшей западные потребительские стандарты и транслировавшей их (как желанную модель / образ жизни) «в массы». Общество-то уже было массовым. Но тема свободы – в иных, конечно, формах – была ведущей и для представителей этих стран.

Хотя «советский Запад» мыслил «освобождение» как торжество потребительской свободы и был гораздо менее просвещенным и неизмеримо более конформным, чем исторический предшественник³⁷, его представители «работали» на открытие страны, ее синхронизацию с мировыми ритмами. То есть выполняли свою традиционную социальную роль. Вместе с тем искушали «системное большинство» призраком свободы и дарами «мира потребления» (материальными, интеллектуальными, культурными). Состоя с Западом в «холодной войне», страна все больше разворачивалась на Запад (по существу, идеальный «социализм будущего» приобрел в «реальном Западе» конкурента). Окончательно антиизоляционистские / западнические и в этом смысле антисоветские ориентации возобладали на «1/6 части земного шара» в перестроечные и 1990-е годы.

Итак, тип свободного человека не случаен и для нашего, по преимуществу несвободного общества. Он создан (как и многое у нас, «сверху» – властью) для контактов с внешним (а именно: западным) миром – чтобы осовременивать свой, русский. Поэтому его западничество (и вольнодумство или, по-русски, инакомыслие, и антисистемность) – не случайность или злой умысел, а результат истории, своеобразия русского развития. Именно он – субъект вестернизации / осовременивания русского мира. Эти социальные усилия сопрягались с общей позднесоветской тягой к либерализации и гуманизации, естественной для социальности любого типа. Она многократно проявляла себя в русской истории, поэтому столь же традиционна, как и тяготение к самодержавно-крепостническим порядкам. Хотя, надо признать, наше общество упорно сохраняет и сберегает себя именно как несвободное, видит себя несвободным (скажем, понимает власть только как насилие – то, что может подавлять, подчинять и т.п.).

Совершив очередной «побег» в несвободу, в начале 2010-х наше общество («большинство») неожиданно обнаружило в себе нечто инородное (ему – на этом историческом этапе – не соответствующее) – на Болотной. Это тоже реакция на перестроечное время, но реакция положительная. Болотная – бунт человека, осознавшего себя свободным, а общество, в котором он живет, несвободным; выступление по сути своей не антивластное (хотя оно и обрело форму политического протеста), а антисистемное: за свободу и западничество как русскую традицию. Не случайно националистический консенсус «верхов» и масс образца 2014–2015 гг. является в основе своей антимайданным и антиболотным. Его характер – охранительный, запретительный. Он направлен против свободы выбора (в любой сфере, внутри и вне страны), за восстановление права на несвободу для всех и для каждого: как всеобщего и обязательного.

Внутренний выбор в пользу несвободы получил и внешнее оформление. Россия закрывается. Слова по звучанию высокие – напоминают горчаковское: Россия сосредоточивается.

---

³⁷ Советский европейски образованный и ориентированный человек был интегрирован в систему, растворен в ней – даже противостоя, являлся ее частью. Он не был нацелен на то, чтобы менять институты и процедуры (а они-то и упорядочивают жизнь, придают ей форму). Зато научился действовать через те структуры, которые имелись в наличии (использовать), или их обходить. Тем самым как бы творил для себя вторую («теневую») реальность. Но необходимость скрываться, маскироваться, вести двойную жизнь психологически надламывает человека. То есть тип советского западника надломлен, внутренне неустойчив, циничен. Он и в постсоветские времена действовал так же, как в советские. Чем, собственно, объясняются и его поражение, и его перерождение (заметим: потерпевший поражение достойнее перерожденца – и в социальном, и в человеческом отношениях).

Но смыслы – самые низкие. Мы (как сообщество) отказываемся от решения тех проблем, с которыми был связан очередной выход в мир. Изоляция – не возвращение на единственно верный (потому что традиционный) путь, а капитуляция: признание своей несовместимости с современностью. Поэтому мы сейчас так заняты кем и чем угодно, заиклены на других (соседах, плохих и хороших, бывших друзьях, исторических врагах) и совершенно забыли о себе, о своем настоящем. Потому и внешний мир воспринимаем как чужой и враждебный: это лучшая точка зрения на себя, лучший мотив для изоляции.

Новый курс и война

Способ, который Россия выбрала для ухода от (из) мира, вполне традиционен. Милитаризация / мобилизация (в тех или иных формах) – необходимое условие для реанимации «порядка несвободы». Он наиболее эффективен именно в ситуации чрезвычайщины, когда срезаются все и всякие сложности и множественности, мир упрощается до понятной всем формулы: «мы / они» – «свой / чужой». Иначе говоря, в обычно-привычное существование входит война – сначала как идея, потом как практика.

Пожалуй, это самое поразительное из того, что случилось с нашей страной и с миром в последние два года: «война – у порога», мир поставлен под вопрос. Еще совсем недавно казалось, что человечество (и мы, как его часть) пережило войну, оставило ее в прошлом. И вдруг в считанные месяцы произошли реванш этой темы, ее экспансия во все сферы общественной жизни, ее «банализация». Откуда такая беспечность, такое легкомыслие – и политиков, и народонаселения?

У нас это, казалось бы, легко списать на советское наследие. Действительно, с момента появления Страны Советов главным жизненным резонансом и для «верхушки», и для населения была война. Даже мирная повседневность уподоблялась военной: «классовая борьба», «осажденная крепость», «страна в кольце врагов», внутренние «предатели / пособники» и т.п. Эта картинка мира впаялась в сознание советского человека, став его идеологией, жизненной философией. Он мыслил милитарными категориями; главное подтверждение собственной успешности, конкурентоспособности получил в войне. «Мы – русские, какой восторг!» – эта суворовская реакция на военные победы России в конце XVIII в. лучше всего описывает наше отношение к победному 1945-му.

О милитаризме нашего массового сознания говорил, к примеру, известный социолог Г.Г. Дилигенский: «Чувство национальной гордости в советское время было, к сожалению, связано со способностью внушать страх: нас уважают, но не потому что мы живем лучше других, а потому что других пугаем»³⁸. Надо сказать, и мир вокруг поддерживал в советском человеке это убеждение. Известный писатель Ю. Нагибин, будучи в 1970-е годы в Норвегии, где его очень тепло встречали, заметил: «А все-таки слаб человек без родины... Я это понял по отношению местных людей ко мне. “Пока есть такие люди, как вы, Россия не погибла” – и робкое, искательное заглядывание в глаза. Конечно, тут было личное отношение, я им пришелся по душе, что редко бывает, но мое обаяние хорошо подкреплялось бесстрашной пехотой, мощной артиллерией, танками, авиацией, очень окрепшим флотом и всей термоядерной мощью самого вооруженного в мире государства»³⁹.

Однако сильнейшая потребность в самоуважении через страх (родственная, кстати, традиционному алгоритму любви по-русски: бьет – значит любит) гасилась тем историческим

---

³⁸ Цит. по: *Россия в условиях трансформаций: Историко-политологический семинар. Материалы. – Вып. 24. – М.: ФРПЦ, 2002. – С. 30–31.*

³⁹ *Нагибин Ю. Дневник. – М.: Изд-во Книжный сад, 1996. – 698 с. – Режим доступа: <http://litrus.net/book/read/101551/DNEVNIK?p=67>*

ощущением, которое нация вынесла из Второй мировой: только бы не было войны! Природный милитаризм советского человека «смирила» Великая Отечественная. Все советские лидеры после Сталина прошли войну или были задеты ею в более или менее сознательном возрасте. И воевать они не хотели. В значительной степени демилитаризовано – культурно, ментально – было позднесоветское (послевоенное, послесталинское) общество.

Такое впечатление война 1939–1945 гг. произвела не только на нашу страну. За ней последовал длинный демилитаризационный цикл, который сопровождался культурной демилитаризацией, демилитаризацией сознания и «элит», и народов. Конечно, к «победоносному шествию» идеи мира ситуацию после Второй мировой не свести. История холодной войны – это целая череда военных столкновений, постоянная гонка вооружений. Но и народы, и «элиты» устали от войны – надорвались, в том числе морально. В 1945 г. мир ощутил себя послевоенным – и, несмотря ни на что, все больше становился таковым. Страх нового глобального катаклизма, захвативший мировые сверхдержавы и их союзников, служил столь же надежным фактором сдерживания, что и ядерное оружие.

В СССР после 1945 г. лимит на войны был исчерпан. Психологически, культурно, демографически (войне отдали все – погребло целое поколение, не оставив после себя потомства; воевать было попросту нечем) – всячески. Это, конечно, не исключало возможности участия в локальных конфликтах и гонке вооружений. Однако само это участие окончательно подрывало советские основы. Тотальность «оборонки» (во всех смыслах, но прежде всего в материально-финансовом) не давала развернуться гражданскому «сектору», в полной мере состояться гражданской жизни. Заикленность власти на «ВПК» (военном производстве, интересах «военщины») тормозила развитие позднесоветского общества как потребительского и гражданского. А оно желало быть таковым. Поэтому все меньше связывало свои перспективы с торжествующим милитаризмом, перестало ощущать себя «военнообязанным».

Показательна общественная реакция на афганскую войну. – Никакая: страна не желала ее замечать. И советское руководство весьма ограничено использовало ее для пропаганды своих успехов / успешности. Понимало: война – это не тема; об этом нельзя говорить – пропаганда войны опасна. Да она и не прошла бы. Той стране, из памяти о которой мы сейчас конструируем свое будущее, соответствовала идея мира – разрядки, мирного сосуществования.

В позднем СССР произошла культурно-ментальная революция, нами неосознанная и неоцененная. Демилитаризация сознания советского человека, его прощание с войной в голове – поразительный факт победы истории над идеологией, традиционными комплексами и фобиями, одно из лучших подтверждений того, что исторический прогресс – не пустые слова, но реальность, данная нам в ощущениях. В этом смысле перестройка в СССР вовсе не была случайной. И не случайно ее поддержали наши партнеры по холодной войне. – Накопленный антивоенный потенциал и там требовал реализации.

И вдруг – такое падение, полная девальвация капитала разрядки / сотрудничества, накопленного в поздне- и постсоветские времена. Повторим, не только у нас. Мы не одиноки в заигрывании с войной. К несчастью, не одиноки. Цивилизованное человечество открыло для этой темы свое сознание. Лидеры ведущих держав допустили возможность войны. Более того, уже идут разговоры о едва ли ни неизбежности ее. С нашей сегодняшней позиции эпоха после 1945 г. кажется уже не послевоенной, а передышкой между войнами.

На вопрос: почему? – можно дать лишь самый общий ответ. Вероятнее всего, нас – Россию и «Запад» (очень разный, конфликтующий и сотрудничающий евроатлантический мир) – подвела привычка жить без войны, уверенность в том, что после XX в. мировые трагедии невозможны. Кроме того (как бы дико это ни звучало), и «элиты», и массы ведущих мировых держав давно не воевали (я имею ввиду «большие», «исторические» войны). За 70 лет они не только излечились от страха, но и устали от мира. Стали искать резоны для войны. А это не сложно. Вспомним хотя бы: «Не мир, но меч принес...» В такой ситуации все меньше «рабо-

тают» рассуждения о пагубности войн, об их катастрофических последствиях как для воюющих народов, так и для воюющих режимов. Забылся главный урок XX в. (да и вообще человеческой истории): ответственность за скатывание мира к военной катастрофе всегда несут все.

В России война из идеи, образа, возможности превратилась в реальность; с помощью СМИ вошла в каждый дом, сопровождает повседневную жизнь миллионов людей. Украина, информационное и экономическое противостояние с Западом, Сирия, публичные разговоры о «новой холодной» и «третьей мировой». Война у нас стала восприниматься как что-то нестрашное, лишь отчасти связанное с реальностью и едва ли не нормальное. Да и придуманные для нее пропагандой названия успокаивали, уводя от сути предмета: гибридная / информационная / психологическая – как бы и не война вовсе. Так, игра, развлечение, разрядка / оттяжка от многотрудной нашей обыденности.

Об униженном национальном чувстве и оскорбленной памяти

Такой внезапный поворот от мира к войне, изменивший страну, вызван многими обстоятельствами: внутренними и внешними. Скажем сначала о последних.

События конца 1980-х – начала 1990-х годов (символы которых – падение Берлинской стены и распад СССР) разрушили тот устойчивый миропорядок, который сформировался после 1945 г. (Приходится – с прискорбием – констатировать, что более или менее устойчивый и долгий порядок вырастает из мировых войн.) Новая ситуация парадоксальным образом сложилась не в нашу пользу. Парадоксальным – потому, что мы-то ее в значительной степени и складывали.

Следствием перестройки стали максимально возможные (и даже сверх меры – если исходить из требований безопасности) разоружение и открытость миру. СССР закончил холодную войну, во второй раз освободил Европу – на этот раз от себя. (Сказав это, я нисколько не хочу свести всю сложную историю отношений СССР и «стран социализма» к оккупации и репрессии⁴⁰ или умалить достижения освободительных, антикоммунистических движений в Восточной Европе.)

Страна после долгого периода изоляции пошла на сближение с Западом, перестала видеть в нем врага. Новая Россия продолжила это движение, сделав ставку на интеграцию. При этом ожидала, что займет достойное место в освобожденной Европе, в мире, который избавила от военной угрозы. Что разделит преимущества нового послевоенного (после холодной войны) мироустройства. Что человечество не забудет об исторической роли СССР–России в XX в. – победителя и миротворца и о той цене, которой оплачены победа и миротворчество.

Однако в 1990-е и 2000-е годы Россия все больше чувствовала себя исключенной из сообщества ведущих мировых держав – пораженцем, проигравшим. Это было несправедливо и оттого особенно унижительно. В стране, помнившей себя победителем, привыкшей мыслить мировыми масштабами и в этих мыслях находить лекарство от внутренних нестроений, такие переживания должны были дать опасные всходы.

Г.Г. Дилигенский писал еще в начале 2000-х годов: «Эмоции многих россиян сегодня связаны... с униженным национальным чувством... Российское общество в силу <этих> особенностей своего психологического состояния в высшей степени чувствительно (можно даже сказать, ранимо) в отношении всех “сигналов”, посылаемых ему с Запада. Любой признак враждебности, отчужденности, пренебрежительного отношения к российским проблемам и

---

⁴⁰ В современных оценках этой истории доминирует «принцип войны»: или / или. Социалистический блок называют или «социалистическим лагерем» (оценивая в «парадигме» войны), или «социалистическим содружеством» (трактую в «парадигме» мира / разрядки). В реальности восточноевропейский социалистический мир был и тем, и другим. Поначалу большие «лагеря», в постсталинские времена тяготел к «содружеству». Хотя и «лагерное» в его природе сохранялось, о чем свидетельствуют 1956 и 1968 гг., польские события 80-х и др.

интересам, тем более явное стремление ущемить их способны вызвать очередной негативный перелом в восприятии Запада и снизить влияние его примера, повысить престиж консервативных и националистических политических сил. И напротив, признаки доброжелательности, сочувствия, уважения, понимания по отношению к России могут усилить прозападные тенденции, повысить престиж западных ценностей, экономических и политических институтов в российском обществе»⁴¹.

России (лидерам, политикам, обществу) хотелось, чтобы западные страны относились к ней как к равному. Но после краха СССР у Запада, по существу, не было никакой политики в отношении нашей страны: нас оценивали так низко, что попросту вычеркнули из большой мировой игры. Россия перестала быть интересной Западу, не учитывалась в геополитических расчетах западных стран. Понимая условность и даже опасность исторических аналогий, скажу: это напоминает отношение Европы к Германии после 1918 г. Оно стало едва ли не решающим фактором поражения «веймарской демократии» и скатывания к новой мировой войне.

Один из главных уроков мировых войн XX в. состоит в том, что победители не должны допускать унижения и экономической дестабилизации держав, потерпевших поражение, или принявших на себя всю тяжесть последствий послевоенного устройства. Это, как говорят в науке, методологическая ошибка. Так создаются потенциальные угрозы для мира, почва для возрождения зла. И по окончании Второй мировой побежденная Германия была интегрирована в Европу, евроатлантический мир. Этот ценный урок войны 1939–1945 гг. к концу XX в. оказался забыт.

Новый миропорядок созидался без его учета. Действия ведущих игроков определяли резоны и опыт холодной войны, а также упорное высокомерие победителей. И то и другое «работало» на милитаризацию: политики, жизни, сознания, на возрождение идеи войны.

У нас этот «ренессанс» был обусловлен не только настоящим, в котором страна оказалась на обочине мировой политики, но и прошлым. Точнее, памятью о нем. В 1990–2000-е годы под сомнение были поставлены наши лучшие воспоминания о главном источнике национальной идентичности: о Великой Отечественной войне.

После 1945 г. в Европе безусловно доминировала «память победителей»: в Восточной – СССР, в Западной – западных союзников. Распад Восточного блока и падение СССР дестабилизировали европейскую память о Второй мировой, придав ей новый актуальный смысл – политический и культурный. В Европе началась борьба за ту войну – за то, как должна использоваться память о ней.

Восточноевропейские нации «разморозили» свои «старые» (имперские, националистические) воспоминания. Будучи приспособлены («привязаны») к ситуации после 1991 г., национальные памяти восточноевропейцев оказались политически взрывоопасны. Потому что технологией такой «привязки» стала память о советской оккупации Восточной Европы и о СССР как об оккупанте. Таким образом, в сознании восточноевропейцев 1945 г. все больше связывался не с освобождением от фашизма, а с утратой национальной государственности. Символом же освобождения и государственного возрождения стала эпоха рубежа 1980–1990-х годов.

Это можно понять: чтобы состояться, новые нации должны были использовать историю. А выбор здесь невелик. Если бы не было «вражеского» СССР с его «экспортом советизма», его стоило бы придумать. Эти воспоминания лучше других послужили национальной консолидации в постсоциалистической Европе. Однако в результате была упущена возможность сделать память об освобождении от фашизма одним из позитивных оснований новой общей Европы, где нашлось бы место и для России.

---

⁴¹ Диллигенский Г.Г. *Запад в российском общественном сознании // Общественные науки и современность.* – М., 2000. – № 5. – С. 18.

Для нас такое «перереформатирование» прошлого оказалось столь же болезненно, сколь и падение международного престижа. Потому что это и есть главное. Победа 1945 г. для нашего человека – не просто одна из русских побед. Это свидетельство успешности нации в истории – еще более убедительное и бесспорное, чем великая русская культура (ею тоже гордятся – но на «вторых местах»). Не прошлое даже, а обещание будущего – основание для каких-то надежд, Наша Победа на все времена.

Попытки *это* оспорить вызвали такой же надлом национального сознания (и бессознательного), как утрата имперского (великодержавного) величия. Не случайно «унижение» (умаление) Победы «за рубежом» приравнено у нас к историческому поражению страны в 1991 г. Более того, само это поражение воспринимается как отложенный негативный ответ на историческую русскую Победу.

За короткий срок мир вокруг как бы вынес России двойной приговор: вон из мировой политики! вон из мировой истории! Это даже не удар – это нокаут.

Можно, конечно, сказать, что это ошибка восприятия, что на деле все сложнее, что «пораженческий» взгляд на себя, вызывая социальные недовольство и агрессию, не дает возможности развиваться. Все это так. Но мы тем не менее смотрели на себя именно с этой позиции. Точнее, это точка зрения у нас возобладала.

Поэтому, чуть оправившись от «смены режима», страна вполне предсказуемо возжелала реванша. Напомнить миру о себе как о победителях – вот важная потребность массового сознания и одна из главных политических задач России 2010-х. Им в жертву и приносятся сейчас иные жизненно важные потребности (даже в безопасности) и задачи (модернизации / развития).

Поиски справедливости: От национального – к интернациональному

Но, конечно, все решилось внутри. Бывшие империи могут десятилетиями жить, испытывая «фантомные боли». Способны даже их пережить. История знает множество таких примеров. Если настоящее постоянно обустроивается, прирастает перспективами и устраивает (экономически, социально, психологически) большинство народонаселения, то прошлое можно оставить в прошлом.

Массовая ностальгия: на рубеже 1980–1990-х искусственная (о том, что исчезло, что убили в себе, – о дореволюционной России), а в 1990–2000-е – уже неподдельная (об СССР, который мы потеряли) – показатель общей неудовлетворенности своим настоящим. Милитаризация общественного сознания, мнения и политики в России 2010-х – это, прежде всего, реакция на внутренние проблемы. Точнее, это перенос их вовне – по двум линиям: властной и общественной.

Военно-наступательные действия власти в значительной степени определила «проблема-2012» (она же: «проблема-2008»; она же: «проблема-2018»). Внутренние риски для ее успешного решения, видимо, расценивались «наверху» как чрезвычайно высокие. Поэтому пришлось прибегнуть к сильнодействующему средству: беспрецедентной активизации внешней политики – вплоть до Крыма. Тем более что международная ситуация благоприятствовала: Украина решила пойти на Запад через Майдан. Иначе говоря, «новый курс» предполагал возможность конфликта на постсоветском пространстве. Он строился с учетом сложностей нашей недавней истории и традиционных склонностей народа. И не случайно эта перспектива страной была принята, стала почти национальной.

Для основной части населения милитаризм / реваншизм тоже оказался выходом из тупика своих проблем. Нулевые годы, конечно, не были «тучными» (это эксклюзив для «элит»), но прошли под знаком благополучия и подъема: люди зарабатывали и потребляли, потребляли и зарабатывали. Социальный организм восстанавливался после сильнейшего

потрясения. Правда, при всем различии 1990-х и 2000-х постсоветский порядок не изменился в главном. Испытывая острейший дефицит разумности и справедливости, не мог обеспечить стабильный рост и поравнение массовых потребительских возможностей. И, как свидетельствуют социологические опросы, массы это хорошо понимали⁴².

Если на рубеже 1990–2000-х годов народ, по существу, «расписался» в неверии в возможность строительства более справедливого порядка в рамках и на основе свободы, то к началу «десятих» утратил веру в его осуществимость вообще. Страна окончательно потеряла ориентир – ощущение общих задач, перспективы. И пошла за ними вовне. Заграница стала местом поиска справедливости: ведь в России это понятие не только социальное, но и пространственное⁴³.

В ситуации с Крымом потребность в справедливости оказалась удовлетворена (отчасти, конечно) вовне: Крым – наш (исторически, человечески – всячески). Пусть нет справедливости для каждого, но она возможна для всех: возвращаются «наши земли» – восстанавливаются влияние страны в мире и достоинство ее людей. Взятие Крыма – символический реванш за 1991-й: не только «геополитический», но и социальный (по мнению большинства населения, выйдя из СССР, мы и попрощались со справедливостью). Здесь звучит эхо победного 45-го.

Крым – это символ и, если угодно, идеологическое обоснование нового общественного договора, в основе которого уже не демилитаризация и потребительская стабильность (застой по-постсоветски), но идеи милитаризации и великодержавного реваншизма. Не мир (пусть и плохонький), но война. Причем война справедливая: не случайно информация о ней втискивается нашей пропагандой в сценарий Отечественной – патриотической, победоносной, священной. Дела в высоком смысле народного.

Для власти смысл этого договора – в том, чтобы увести население от социальных проблем, вынести вовне потенциал социального протеста, конвертировать его в «капитал несвободы». А также получить подтверждение собственной силы (ее ощущение «там» высоко как никогда) вовне, демонстрацией мощи и влияния доказать стране свои эффективность и безальтернативность. Для населения это своего рода разрядка: конвертация всего негатива, накопившегося в 1990–2000-е по поводу внутренних бед и неустройств, невнимания и равнодушия внешнего мира в отчаянный жест: «умыть» «укро-бандеровцев», «дать по жопе америкашкам». Да и прочим нашим партнерам.

О последствиях «нового курса» и национальных интересах

Российским ответом на всякого рода национальные унижения (внутренние и внешние) переломных времен стала милитаризация – поначалу сознания (и «элит», и народа). В 1990-е все более широкие круги населения охватывало мнение: мир вокруг России – это угроза; ей нужно противостоять, т.е. вооружаться. Сейчас оно стало едва ли не всеобщим.

---

⁴² В рамках этого порядка практически все общественные блага и возможности сосредоточены «наверху». Конечно, можно сказать: это русская традиция. Что во многом верно. Однако в разные исторические времена для этой традиции находились компенсации и ограничения. Сейчас социальному эгоизму «верхов» нет пределов. В массовом, потребительском, глобализирующемся мире этот дефект нашей социальности приобретает качество взрывного механизма. Не случайно переживания по поводу несправедливости нашего жизнеустройства социологи называют главным социальным неврозом.

⁴³ Сама Россия – явление не только социальное, но и в значительной степени пространственное. Помню этот тезис. Держава наша строилась вширь. Колонизация территории была историческим делом не только власти, но и «мира» («мир» – основная социально-территориальная единица; главная форма, в которую отлилась русская социальность; наш аналог европейского общества). Тем самым проблемы «внутренней России» (социальное напряжение, нехватка пахотных земель и пр.) выносились в «Россию внешнюю». Занятые в ходе государственной и народной колонизации земли понимались как свои – и государством, и народом. С утратой пространств, сужением территории всегда терялись исторические резоны существования страны. Поэтому их возвращение полагалось (и полагается сейчас) спасительным и справедливым. В России 2010-х это лучшая технология «нациостроительства» и разрядки социальной напряженности.

Разоружение для нашего массового человека больше не является синонимом безопасности, ее залогом. Безопасный мир, с точки зрения наших людей, это мир вооружающийся. В рамках этого «нового» мировоззрения возродились все советские установки: мы – в своем окопе, кругом враги, зайдем круговую оборону, по возможности будем переходить в наступление⁴⁴. И: пусть знают! пусть боятся! Эти угрозы адресуем западному – нас отринувшему и унизившему – миру⁴⁵. При этом «воображаем» его внутренне слабым, надломленным (как учили раньше, «загнивающим») – так полнее ощущение собственной силы.

Любые «гуманитарно» обусловленные действия, сам путь демилитаризации (иначе говоря, компромиссов, договоренностей, т.е. дипломатии, политики) понимаются теперь в России как ошибка. Более того. Только встав на другой путь – конфликтов, угроз, противостояния, мы вновь ощутили себя и в мировой политике, и в истории. Крым стал историческим подтверждением правильности и «победности» реваншистского мировоззрения.

С Крымом к нам вернулось подзабытое историческое чувство: «Мы – русские, какой восторг!». Правда, за восторг приходится платить. И цена растет – об этом напоминает устойчиво падающая национальная валюта. Но мы «не постоим» – у нас ведь, «по-истории», и благополучие временно, и сытость случайна. Да и с «субъектностью» получается в основном на внешних фронтах. А за «временные трудности» ответит «внутренний враг» – тут у нас накоплен богатый опыт...

Все, кажется, наконец, правильно. Мы вновь осознаем себя общностью, и «наше дело правое». Но сейчас особенно понятно: курс на несвободу / изоляцию / милитаризацию – это ошибка. Во всех отношениях.

Мы не удержались в рамках демократической: плюралистической, открытой, «возможностной» – перспективы. И шарахнулись назад, возрождая и воспевая как «органично-традиционное» («нашу норму») полицейско-запретительные, агрессивные, архаические социальные потенциалы. Не видя будущего⁴⁶, сделали ностальгические воспоминания о советизме / советском едва ли не единственным резонансом собственного существования. Но СССР ведь нет, он в прошлом. – Получается, мы пережили свои перспективы.

События последних двух лет лишь создали иллюзию, что формула «назад, в будущее» работает. Что только здесь и возможны согласие, порядок, национальное самоутверждение. Это не так. И то, что «нация» консолидируется против врагов, внешних и внутренних, а не вокруг позитивной программы, нацеливается не столько на развитие, сколько на противостояние, – лучшее тому подтверждение.

В России внутренняя и внешняя политика традиционно тесно связаны, как бы взаимно перетекают друг в друга. Следствием внутренней слабости, надломленности и ошибочной политики «исключения», которую вел в отношении нас мировой гегемон⁴⁷, стала уязвимость страны для всякого рода опасных заблуждений. Многолетние публичные разговоры об «осо-

---

⁴⁴ Подчеркнем: и в этом случае «новому курсу» потребовалась предельная апелляция – к Сталину как подлинному создателю советского «проекта», к сталинским временам, когда милитаристско-изоляционистские установки были чем-то вроде символа веры.

⁴⁵ Помещая именно туда источник угрозы, мы тем самым косвенным образом подтверждаем: значимый для нас мир (наш внешний мир) – это Запад. В других мирах российский обыватель мало что понимает; к ним он равнодушно-снисходителен, не чувствителен. Об этом надо помнить – особенно теперь, когда мы скатились в очередной приступ антизападничества.

⁴⁶ Современная Россия пребывает в уникальной ситуации «после»: «после социализма» и «после капитализма». В ней нет «потом». «Проигрывание» же настоящего по сценарию прошлого, каждодневное ностальгическое переживание «хорошего советизма» как утраты (во многом с помощью ТВ) консервируют ситуацию «без будущего». А значит, множат потенциалы «не-развития». Не случайно в реальной жизни в геометрической прогрессии нарастают «пережитки» «плохого советского» (разного рода проявления «совковости») – в магазинах, на дорогах и т.п.

⁴⁷ Для сегодняшней России Америка – источник мирового зла, антироссийской агрессии. Это не так. США – великая страна и великая демократия. Но как мировой гегемон, действующий в отсутствии каких-либо ограничений, склонны зарываться. И в случае с Россией Америка переходит грань. История и культура нашей страны таковы, что с ней нельзя говорить как с Верхней Вольтой. Такой разговор должен был привести к противостоянию.

бом пути», акцентировка нашего антиевропеизма / антиамериканизма, попытки представить себя «хорошей» альтернативой «плохому» Западу ведут к теме войны.

А это тупик. Все ситуации «мировойны» краткосрочны. В конце концов они разрешаются в пользу или мира, или войны. И чем больше разворачивается военная тема, тем ближе мир к катастрофе. Даже ядерное оружие не кажется теперь надежной преградой для мирового конфликта. Да и история XX в. утверждает: наличие оружия массового уничтожения – вовсе не гарантия мира. Оно шло в ход, обновлялось и совершенствовалось в обеих мировых войнах. Иначе говоря, война – это не способ «вернуться в историю», «восстановить достоинство» и т.п. В боях за субъектность современной России может быть уничтожен сам субъект.

Заигрывание с темой войны плодит не только внешние риски и угрозы. Война, какой бы она ни была, всегда ведет к внутреннему упадку. Насилие неизбежно проецируется во внутрь. В условиях войны укрепляется режим изоляции, совершенно не адекватный современной, чрезвычайно интенсивной, «экспансионистской» жизни. Снижается социальная эффективность государства, и без того у нас, мягко говоря, недостаточная. Политика и общественные отношения все больше определяются формулой: кто не с нами – тот против нас. Создается атмосфера, в которой возможно все.

Движение «новым курсом» грозит тем, что страна может оказаться на каких-то уж совсем последних рубежах. Там речь пойдет не о вечной и высокой цели: как нам обустроить Россию, а о том, как вернуться к обычной, нормальной жизни. Отрезвляющий инстинкт выживания рано или поздно вернет нас из миражей прошлого в настоящее, из изоляции – в мир, в современность. Заставит осознать: наш национальный интерес состоит в том, чтобы примириться вокруг ценностей человеческой жизни, равенства возможностей и верховенства закона.

Но здесь возникает главный русский (третий – после «что делать?» и «кто виноват?») вопрос – о цене: какой ценой будет оплачен такой поворот?

«Человек русский», год 2014: Кто мы, куда идем

Л.Н. Верчёнов

Верчёнов Лев Николаевич – кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник ИНИОН РАН.

Известный бард и поэт (доктор геолого-минералогических наук, профессор) Александр Городницкий отмечает у себя непонятную ему самому способность к поэтическим пророчествам – в 2007 г., например, написались строчки: «И слышу снова сорок сороков я. / Московия, лишенная морей, / Стремительно летит в Средневековье. / ...Клубится дым у Терека-реки, / Ждет беглецов литовская граница – / ... Лихие наступают времена, / Русь, как пружина, сжата до отказа – / Все будет вновь – Ливонская война / И покорение Крыма и Кавказа» [Городницкий, 2015].

Не все из «предсказанного» воплотилось в жизнь, но «ощущение абсурдности происходящего» (Л. Гудков), психоз иррациональности (А. Ципко), начиная с марта 2014 г., «политические безумства России в последнее время» (Владислав Иноземцев) свидетельствуют, что на самом деле, слегка перефразируя, «лихие наступили времена».

* * *

Несколько дат в 2014 г. радикально трансформировали политическую повестку дня в РФ: 23 февраля – праздничное закрытие триумфальной для России Олимпиады в Сочи; 27 февраля – объявление референдума на Крымском полуострове (назначение даты референдума происходило в условиях «крымского кризиса»); 16 марта – проведение референдума, на котором 96% принявших участие в голосовании жителей Крыма, «опасаясь за сохранение собственной идентичности и русского языка», высказались за вхождение в состав России; 18 марта – внеочередное послание президента РФ к Федеральному Собранию и подписание договора о присоединении к России Автономной Республики Крым и города Севастополя.

Эмоциональное состояние российского населения в эти дни (воодушевление, восторг, всплеск патриотизма) вполне соответствует словам, написанным задолго до этого (в связи с возвращением из Франции русской армии, победоносно закончившей в Париже Отечественную войну 1812 г.): «Время незабвенное! Время славы и восторга! Как сильно билось русское сердце при слове Отечество!» Хотя на этот раз победа – «Крымнаш» – гораздо скромнее, но как сильно и сладко забились огромное количество русских сердец.

Буквально в мгновения население страны, в массе своей достаточно равнодушное к политике и озабоченное до этого проблемами повседневного быта, обернулось не просто большинством, а практически «сверхбольшинством» (К. Рогов). Оказалось, что его волнуют и политические пути движения страны, и, более того, даже «метафизические» проблемы русского Бытия. Обычно Пушкина цитируют, ограничиваясь приведенными выше фразами, но у Александра Сергеевича есть и продолжение. Прочитируем еще раз: «Время незабвенное! Время славы и восторга! Как сильно билось русское сердце при слове Отечество! С каким единодушием мы соединяли чувство народной гордости и любви к государю. А для него какая была минута!» Нынешнее наше «чувство народной гордости и любви к государю», по мнению аналитиков, политологов, социологов и комментаторов, едва ли не беспрецедентно. Между вождем и народом возникает загадочная связь – не столько эмпатия (сопереживание), сколько симпсихоз (душевный симбиоз), скажет по этому поводу М. Эпштейн.

Представляя в конце декабря номер «Независимой газеты», в которой подведены «итоги 2015 года», главный редактор К.В. Ремчуков замечает: «Уровень реальных доходов граждан

продолжал снижаться. Рейтинг Владимира Путина продолжал расти...⁴⁸ Приходится додумываться... что бы это значило. Либо уровень падения доходов незначителен, либо сами средние доходы невелики и их реальное измерение не отражается на типовой структуре потребления, либо психологическая удовлетворенность от демонстрации военной силы затмевает неудобства текущего момента, либо просто любовь к Путину – онтологическая и одновременно метафизическая реальность сегодняшней России» [Ремчуков, с. 1].

«Такого уровня консолидации вокруг первого лица не было никогда. Никогда не было такого уровня поддержки военных действий и одновременно совершенно иррационального озлобления против всего мира. Не хочу быть пророком, но, может быть, Россия в лице ее сверхбольшинства приняла сегодня историческое решение, которого в истории страны никогда не было», – констатировал Б. Дубин в интервью Марии Шубиной весной 2014 г. (При жизни Дубина это интервью не было опубликовано, оно было вывешено на сайте после его кончины) [Дубин, Шубина, 2014]. Характеризуя политические настроения (что-то вроде «политического опьянения») и социально-психологическое состояние российского общества весной 2014 г. Б. Дубин говорил: «Происходит процесс разложения социума... сегодня я думаю, что нет угла, не затронутого этим распадом. Здоровые, казалось бы, люди готовы верить совершенно невыносимым глупостям, отстаивать мнение, которое никогда в жизни они не считали своим, впадать в раж, терять голову и способность к критическому мышлению. Не говоря уже о человеческой солидарности» [там же].

«Крымнаш», по-видимому, стал ответом на национальное чувство ущербоности, комплекс неполноценности и одновременное ощущение изолированности в мире, чувство утраты того, что мы великая страна и нас боятся.

Можно напомнить, что были «90-е годы», в которые произошла варварская и бесчеловечная, поддержанная Западом приватизация, случился развал экономики и правовых институтов, разгром систем образования и здравоохранения – и все это на фоне криминализации общественной и государственной жизни. В течение нескольких лет две трети населения страны въезжает, по выражению социолога Левада-центра А. Левинсона, «мордой в стену» – и это коснулось всех: и тех, кто обольщался демократией, и тех, кто не верил в демократию, и тех, кто вообще не имел никакого мнения.

Как отметила «Независимая газета» в последнем за позапрошлый год номере, посвященном «итогах 2014 года», президент РФ, по-видимому, хорошо понимает массовые настроения населения страны, понимает психологию масс и часто ориентируется на эти настроения в своей деятельности. Дело в том, что «на уровне массовой психологии запрос на демонстрацию державности, суверенности, противоположности Западу существовал давно» [Новое покорение Крыма, 2014]. «Давно» в краткой истории современной истории России – это, наверное, имеется в виду, а на самом деле давно и в русской истории.

Западные наблюдатели политической истории Российской Федерации, трезво оценивающие текущую политическую ситуацию в России, склонны разделять подобные взгляды. Вот мнение Ангуса Роксборо – автора книги «Железный Путин: Взгляд Запада»⁴⁹ [Роксборо, 2012].

---

⁴⁸ В январе 2015 г., по подсчетам Фонда «Общественное мнение», президенту доверяли 83% россиян, к ноябрю 2015 г. доверие президенту, согласно ФОМ, составило 85% [ФОМ: работу... 2015]. Информация к размышлению. Выкладки научного руководителя Института экономики РАН Р. Гринберга: сегодня в России 5% граждан владеют 70% богатств России, 15% живут более или менее по-человечески (что-то вроде среднего класса, по крайней мере, это обладатели загранпаспортов), а остальные 80% ходят на работу, чтобы выжить (работают «за еду», живут от зарплаты до зарплаты) [Гринберг, Скворцова, 2015, с. 8].

⁴⁹ В 2006 г. Администрация президента РФ заключила контракт с базирующимся в Нью-Йорке PR-агентством Ketchum и его брюссельским партнером SjPlus. В функции Ketchum входила задача рекламировать Россию за рубежом, формировать новый ее облик. В марте 2015 г. Кремль прекратил сотрудничество с Ketchum: фактически уже с сентября 2014 г. никаких работ по контракту с американскими пиарщиками не велось, теперь от их услуг отказались юридически. Сложившаяся обстановка в мире сейчас не благоприятна для «восприятия истины» – так прокомментировал пресс-секретарь президента РФ Дм. Песков отказ от услуг Ketchum. Ангусу Роксборо – сотруднику Ketchum, специалисту, хорошо осведомленному о Рос-

«Мои репортажи для BBC запечатлели десятилетие позора и унижения, пережитого жителями некогда могучего государства, – пишет А. Роксборо. –...Российское общество оказалось поистине раздавлено резким отходом от коммунизма. Люди потеряли свою страну... Западные лидеры были не в состоянии оценить психологическую травму, которая была нанесена россиянам как нации. Владимир Путин же видел это прекрасно. Большинство россиян с легкостью отказались от коммунистической идеологии. Но они не избавились от образа мышления, сформированного еще в докоммунистический период и лежащего глубоко в душе русского человека. Именно самая мрачная сторона жизни 1990-х годов, которую Запад попросту просмотрел, и подготовила плодородную почву, в которую Путин начнет сажать свои идеи» [Роксборо, 2012, с. 21, 24, 27–28].

Социологи еще ВЦИОМа, ныне Аналитического центра Юрия Левады (Левада-центра), в первую очередь сам Ю.А. Левада, уже с середины 90-х годов – на основе репрезентативных социологических исследований – стали отмечать нарастание авторитарных ожиданий в российском обществе, усиление консервативных тенденций.

После попытки путча в октябре 1993 г., танкового обстрела Белого дома, развязывания Чеченской войны в 1994 г., т.е. после событий, продемонстрировавших, по мнению Б. Дубина, слабость власти, ее нерешительность, отсутствие ясных видов на будущее, в российском социуме начали нарастать ожидания единоличного лидерства, «твердой руки» и «жесткого порядка».

В исследовании 1994 г. на вопрос «Что в большей мере отвечало бы сейчас интересам России?», продолжает Б. Дубин, 57% опрошенных согласились с вариантом ответа «Концентрация власти в руках сильного и авторитетного лидера» [Дубин, 2011, с. 78]. «Из-под временных и нестойких наслоений стали проступать гораздо более долговременные, привычные представления и ориентиры. Прежде всего это... выразилось в концентрации коллективных ожиданий на воображаемой фигуре “вождя” и проблемах “стабилизации, порядка”... К этим сдвигам в коллективных ориентациях присоединились в описываемый период укренившиеся настроения массового изоляционизма – бытовой агрессивной ксенофобии, символического отчуждения от Запада, демонстративного антиамериканизма, риторики “своего”, “особого” пути. Так сложился своеобразный “квадрат” воображаемых коллективных ориентиров, страхов и надежд россиян второй половины 1990-х гг.: советский неотрадиционализм – советская великодержавность – изоляционизм и ксенофобия – вождизм» [там же, с. 79–80].

Запрос на «неоконсервативный синтез» (термин Л. Бызова), легший в основу нынешнего «путинского большинства», проявился еще до Путина. Удачное попадание нужного человека в нужное место и в нужное время – большая историческая редкость, и Путин оказался абсолютно адекватен ситуации. Содержание «неоконсервативного синтеза» – порядок, социальная справедливость и патриотизм. Они и оказались скрепами, объединяющими «путинское большинство» поверх социальных, идеологических и электоральных различий.

20 с лишним лет на фоне жизни с повсеместным «ожесточением долгой бедности», «непониманием, как жить в условиях, зная, как “делили”, как поделили Россию, ощущением “нас обокрали”, стало понятно: вокруг враги, нас унизили и унижают, с нами не считаются» (Св. Алексеевич).

На Западе, прежде всего в США, и в Европе, недооценили социальные, политические и ментальные (курсив мой. – Л. В.) последствия краха Советского Союза (Вл. Иноземцев).

«Превратившись в фокус массовых чаяний справедливости, порядка и патриотизма, Путин тем самым оказался в глазах общества и главным патриотом / националистом», – напи-

---

си, была в 2006 г. предложена работа, он принял это предложение и стал кремлевским консультантом по СМИ, жил в Брюсселе, но часто навещался в Москву. Будучи иностранцем, он тем не менее стал человеком, максимально приближенным к коридорам российской власти. Книга – личные наблюдения о периоде с 2006 по 2009 г.

шут Татьяна и Валерий Соловей в книге, вышедшей вторым изданием в 2011 г. (впервые издана в 2009 г.) [Соловей Т.Д., Соловей В.Д., 2011, с. 452].

«Струнка, которую Путин задевает в сердцах миллионов россиян, – ностальгия, тоска по “равенству”, товариществу, единству, боевому духу, которые просуществовали в России дольше, чем где-либо. Все это действительно реальность. Возможно, чуждая большинству людей на Западе, но реальность» [Роксборо, 2012, с. 344–345].

Реальностью является и «особый путь». По мнению директора Левада-центра Л. Гудкова, особый путь – это, ко всему прочему, своего рода психологический защитный барьер против нежелательного сопоставления некомфортного обустройства жизни в России и «нормальных» западных странах, это комплекс «не хочу даже сравнивать», это закрытие от всего внешнего. Единственная возможность уйти от болезненного сравнения с развитыми странами – но зато «мы великая держава». «Настроения типа “Верните нам статус великой державы!” начали проявляться еще до прихода к власти Путина» [Гудков, 2015, с. 9]. Чувство причастности к великой державе компенсировало убожество повседневной российской жизни, согласие на бедность, покорность и подчинение.

Писатель Виктор Ерофеев, либерал и «западник» в интервью корреспонденту украинского еженедельника Наталии Двали отмечает: 2014 год стал годом-рентгеном – оказалось, что подавляющая часть населения исповедует абсолютно антизападные, антидемократические и антилиберальные ценности. И телепропаганда тут ни при чем, речь идет о архаических российских понятиях: к радости огромного количества россиян Путин, наконец, стал артикулировать то, в чем убеждены многие в России.

Доля населения, исповедовавшего западные ценности в России, составляла всего 15%. После перестройки и распада СССР никто не принимал во внимание сознание 85% россиян, не разделявших европейские ценности. Это большая ошибка либералов и демократов, пришедших во власть после 1991 г. [Ерофеев, Двали, 2014].

Еще в 1991 г. венгерский исследователь Акош Силади писал: поскольку победа демократии в России в 1991 г. произошла вопреки обществу или во всяком случае без его широкой поддержки, эта победа окажется серьезным испытанием для демократов, таким испытанием, которое они вряд ли выдержат.

Мнение А. Силади было изложено в обзоре, опубликованном в первом выпуске сборника «Политическая наука в России», подготовленном Отделом государства и права ИНИОНа [Верчёнов, Шлемин, 1993]. Перечитал – и поразился предвидениям А. Силади и некоторых тогдашних российских политологов и политических публицистов.

Вот точка зрения А. Васильева из этого же обзора: для все увеличивающейся части населения демократические лозунги и сами демократы все больше сливаются с фактами массового обнищания, возрастающей безработицы, вымыванием интеллигенции из общества. Все сильнее ностальгия по сильной руке, по сильной власти. Поэтому не исключен просвещенный авторитаризм, скажем, национально-демократическая диктатура, которая, ограничив разнузданные свободы, обеспечит политическую стабильность. В противном случае сложится диктатура тоталитарная, опирающаяся на люмпенов. Оптимистического сценария, по мнению А. Васильева, не предвидится. Приходится надеяться на лучший из плохих сценариев [Васильев, 1992, с. 4].

Возвращаемся в наши дни: возможное нежелательное развитие событий, по мнению А. Роксборо, может стать следствием как непонимания Западом, его лидерами психологической травмы от унижения, пережитого жителями Советского Союза, так и позиции Путина, учитывающего эту травму.

* * *

После 18 марта 2014 г. Россия «вышла на площадь». И хотя эмоциональный всплеск подавляющего большинства российского населения – «Крымнаш» – стал, скорее всего, компенсацией за годы унижительного состояния после распада Советского Союза, но невиданное в последние десятилетия эмоциональное единение большинства населения не явилось ли актом пробуждающегося гражданства в отсутствующем пока гражданством обществе и, более того, шагом на пути становления политической нации? Не являемся ли мы свидетелями рождения в России политической и гражданской нации?

Акош Силади писал, и в немногочисленных беседах с ним мы тоже говорили о том, что русские еще не стали нацией, во всяком случае политической гражданской нацией. Когда-то это, конечно, произойдет, и не исключено, что путь к этому может оказаться кровавым и уж, конечно, не будет усеян розами.

Проблема национального государства, нации в современной России действительно актуальна. Вот что думают (и пишут) по этому поводу представители академической политической науки.

Из европейской Тридцатилетней войны (1618–1648) вышел новый порядок, основой которого стало национальное государство. «В Европе совершился переход от религиозной идентичности к государственно-политической» [Глебова, 2014, с. 102]. Образование национальных государств современного типа состоялось в Западной Европе и Северной Америке в XVIII–XIX вв. и было тесно связано с распространением национализма. Национализм на этом этапе представлял собой светскую идеологию, основывающуюся на вере в общность судьбы, целей и ответственности всех граждан конкретного национального государства; ключевыми ценностями этой идеологии были суверенитет народа и патриотизм. Изначально национализм выражал настроение масс, был связан с борьбой народа за право самому определять свою судьбу в рамках своего национального государства и воспринимался как прогрессивная идеология, способствующая социальному и индивидуальному освобождению.

Размышляя о национализме в диссертации, защищенной в 2009 г., Т.Л. Полянников, молодой ученый, к сожалению, рано ушедший из жизни, полагает, что в соответствии с логикой догоняющей, «запаздывающей» модернизации на повестке дня в нынешней России стоит необходимость формирования гражданской идентичности и политической нации [Полянников, 2009, с. 25].

«Россия беременна нацией, подспудно ее большинство хочет стать нацией, но только не знает какой – этнической или гражданской», – считает Э. Паин [цит. по: Политическая ситуация... 2013].

Взволнованно размышляет В.А. Ковалёв о нормальном национализме. Сегодня, считает он, «русские – это спящая идентичность» [Ковалёв, 2011, с. 27].

Нормальный национализм «предполагает **формирование нации** (выделено нами. – Л. В.) как сообщества политически равных, социально солидарных людей, принадлежащих к одной культуре» [там же, с. 27].

Население страны должно стать «политической нацией» [там же, с. 28]. «Политическая нация – это основа, “субстрат” для демократического государства» [там же, с. 42].

Нормальный русский национализм – это соединение национализма с демократией. Демократия без опоры на национальное чувство и патриотизм не смогла прочно укорениться нигде. В 2013 г. вышел в свет сборник статей «Государство. Общество. Управление», составителями и редакторами которого стали М.Б. Ходорковский (в то время еще находившийся в заключении) и С.А. Никольский (заместитель директора Института философии, доктор философских наук) [Государство. Общество. Управление, 2013]. Книга посвящена проблематике взаимоотно-

ношений российского государства и общества. В рецензии на эту книгу Ст. Львовский подчеркивает: по мнению некоторых ее авторов, «гражданской нации в России еще только предстоит возникнуть, исторический этап национального государства в России неизбежен» [Львовский, 2014, с. 134].

«Реальное становление гражданской нации в России... если и возможно, то в неблизкой перспективе» [Паин, 2014, с. 51].

Под специфическим углом зрения о несформированности русской / российской нации писал в 2007 г. А.И. Миллер: нестабильность на Украине и другие возможные обострения ситуации у границ России являются для страны не только внешнеполитическими проблемами, «но становятся серьезным вызовом для становления нации в нашей стране» [Миллер, 2007, с. 14].

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.